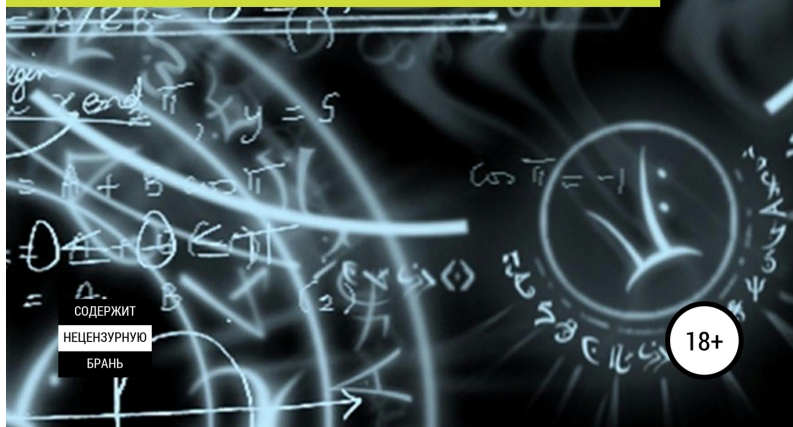

Медведев Роман

Иллюзия Вечности

Подзаголовок

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Борисович Медведев

Иллюзия Вечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26907244

SelfPub; 2019

Аннотация

В книге представлена фантазия на тему истребления человечества, но с правом остаться в живых не только в силу генетических особенностей, но и на праве сильного. Как даже эпидемия не в силах дать противоядие против пороков развития любого общества. Даже в среде выживших – главное стремление – это карабканье вверх. По спинам, животам, головам... Кто победит в этом, и возможна ли вообще чья-либо победа? Содержит нецензурную брань.

Из случайно услышанного разговора:

«... – Пап, почему трава растёт под ногами, а деревья выше людей? Почему собаки бегают на четырёх ногах? Когда ты был маленьким, тоже так было?»

– Да, конечно. Когда я был маленький и, ещё за много лет до этого всё было именно так.

– И люди были такими же?

– Верно, сынок. Все были точно такими, какими ты их видишь сейчас.

– И что всегда так и будет? И ничего не поменяется?

– Конечно. Можешь мне верить. Всегда всё будет только так. И ничего не поменяется...»

Секретарь коллегии:

«– Судебное заседание объявляется открытым. Суд идет. Прошу всех встать...»

ПРОЛОГ

– Который час?

– Очередной.

– Ой, я умоляю! Может, хватит этих дурацких шуток?

Просто посмотри на свои чёртовы часы и ответь на простой вопрос!

– Да что ж это опять? Снова этот тон, да?! В чем загвоздка, твою мать? Может, объяснимся наконец? Какая муха на этот раз в глаз залетела?

– Ты должен понимать многое и без слов!

– Ага! Постой угадаю... Проблемы на работе? Несварение желудка? Прости, пмс?

– Идиот!

– Ну, всё! Довольно с меня! Я попробовал поговорить. Как обычно в чём-то приложил усилие разобраться. Но тебе ж всё по барабану, верно?! А казалось бы ситуация проста: мы всего-навсего идем рядом, и я шучу тогда, когда мне того хочется. Не обижаю и не провоцирую. Но тебе ж хочется другого. Чтоб я облобызал тебя, вник в проблемы, о которых ты и не скажешь. Ну, так... наитием уловил.

– Заткнись уже.

Мужчина лет сорока остановился и резко одернул женщину за рукав модного кожаного плаща. Она попыталась отмахнуться, но мужчина перехватил запястье спутницы и сжал его в кулак до побелевшей на костяшках коже.

– Эй, ты! Переступаешь черту! Твоё настроение не моя проблема, ясно? Меня самого мутит уже от тебя. Хвала терпению, еще держу себя в руках. Но пора тебе преподать урок! – он притянул её к себе, – выбить из твоей башки дурь, наконец. Может, тогда прекратишь вертеть головой и поглядишь честно на себя. Кто ты есть на самом деле. Ты... Мегера. Может тогда в тебе что-то изменится. Стоит только на-

чать. Весь мир к чертям может измениться за доли секунды...

Могучей тенью он надвигался на неё до тех пор, пока испуганная привлекательная женщина не прижалась к стене, выставив вперёд, чуть заметно, острие сложенного зонтика.

Он замахнулся рукой: – Иногда мне кажется, что у тебя просто чешется между...

Неожиданно сквозь налитанные злобой слова в рот мужчины обрушился страшный холод, сковав будто льдом недосказанное. С головы соскользнула твидовая кепка, и упала на землю. Волосы неестественным образом вздыбились. Руки за какое-то мгновение покрылись маленькими трещинками, разбежавшимися причудливым узором вдоль линий судьбы.

Женщина вздрогнула от пронзившего мороза и, дернувшись вперед, нанесла нечаянный удар зонтом в голень мужчины (как впоследствии выяснится смертельный). Охнув, она осела на асфальт, раскинув ноги. Юбка задралась, открыв исподнее. Широко раскрытые глаза её спутника бесстыдно уставились на укромное местечко. Из рта мужчины раздался гортанный хрип.

Прошло меньше минуты. Их тела расслабились, погрузившись в вернувшееся тепло. Лёд, так же неожиданно как появился, пропал. В переулке взвыл ветер. Под ногами прошестел газетный листок. Парочка не двигалась с места. Мужчина перевёл взгляд на окровавленную брючину: – Арх-х-х, ... – выдохнул он. Затем нашёл в себе силы поднять жен-

щину на ноги.

Пару минут спустя силуэт обнявшейся парочки был еле различим в темноте, поглотившей их шаги.

Деревья вновь расправляли свернувшиеся от холодного шока листья, попутно стряхивая мёртвых мух, принявших жуткую участь во сне. Ртуть на термометрах в окнах квартир медленно ползла вверх, к звёздам.

Шла середина августа – бархатный сезон, сезон отпусков.

1.

Начало

Для меня привычный мирской уклад полетел в тар-тарары тем утром. Вероятно, будь я внимательнее, заметил бы признаки начала конца и раньше, но сложилось так.

– Да, твою то мать!

Вопль взорвал аудиторию будто выстрел. Мы все мгновенно повернулись на голос. Застонало разошедшееся дерево скамей под телами студентов. Изумлённые лица застыли объединённые чертами общего вопроса: «– Кто посмел?» Немыслимо было и представить себе подобную выходку в присутствии доцента Семирядинова.

Доцент икнул от неожиданности, и выронил мелок на брюки.

– Да что это за херня?! – через несколько парт от меня,

опираясь на стол, привстал Исаков и, очевидно не веря своим глазам, поднёс к носу окровавленную руку.

Переполненная аудитория ахнула. Сидевший рядом с Колей Исаковым Ярков, отодвинулся на край, что-то бормоча себе под нос и махая ладонью. Девушка справа вскочила и метнулась к окну.

Исаков медленно вышел из-за стола и, продолжая таращиться на руку, побрёл в сторону растерянного Семирядинова. Аудитория застыла на месте и лишь провожала ссутулившуюся фигуру товарища, аккомпанируя шелестом вопросов.

Не прошёл Коля и полпути до трибуны, как вдруг резко осел на ногу и мешком свалился на сокурсников – Диму и Диму К. Те двое брезгливо спихнули беднягу на пол.

Тем временем доцент справился с лицом, зачем-то поднял с пола мелок и потрусил к Исакову: – Не волнуемся! Все в порядке, – кого-то успокаивал он, сам отстукивая мелком по чёрным брюкам. За спиной доцента на пол с сочным звуком шлёпнулся увесистый учебник по теории вероятности. Семирядинов, вздрогнув, резким движением обозначил широкий лампас по левой ноге собственных штанов: – Вот ведь... – пробормотал он конфузясь.

Толпа с гулом попёрла к телу Коли. Мне вместе с другом Сашкой посчастливилось попасть в партер.

Перепуганный Коля, лёжа на боку, причитал: – Не понимаю. Боже упаси... Что за херня, твою мать.

– Смотрите! Ах–х! – девушка Ольга закусила руку и красноречиво уставилась на левую ногу Исакова. Матерчатый ботинок потемнел, и с его носка по капле падала на пол кровь.

– Что это с ним? – Сашка обернулся ко мне. Я лишь пожал плечами.

Семирядинов склонился на колено, поднял Колину голову за подбородок и заглянул ему в глаза. Губы доцента беззвучно зашевелились. Выпустив, наконец, мелок из пальцев, он осторожно осмотрел рану на руке Исакова.

– Дай платок. Гринберг, дай платок! – Семирядинов, не оборачиваясь, протянул перепачканную ладонь к Юле Гринберг, стоявшей ближе всего к нему. Она извлекла из кармана кофты голубой платочек с вышивкой.

– Боюсь, что...

– Давай сюда! – Доцент грубо выхватил его из Юлиных рук и кое-как наложил жгут на Колькину ладонь.

Мы все, молча, наблюдали за происходящим. За неуклюжими манипуляциями с Колиной раной доцента, за падавшей капля за каплей тёмной кровью в пыль паркета, друг за другом. Оглядываясь на товарищей и подмечая интерес, страх, либо отвращение на знакомых лицах. Никто не решался вымолвить слова, внимая стонам хорошо знакомого всем парня, а также натужному пыхтению преподавателя.

Семирядинов поднялся. Орлиный профиль доцента возвысился над головами учеников. Жестким взглядом, обошедшим наши лбы, впору было отправлять в атаку римские

легионы. – Кто-нибудь поможет мне, или здесь все боятся крови? – он ещё раз медленно оглядел собравшихся студентов и неожиданно остановил свой взгляд на Сашке. – Снимай ботинок. И аккуратнее, я прошу.

Мой друг, не колеблясь, сел в ноги Исакова. Я, было, бросился ему на помощь, но затем остановился. Они смогут и без меня. Конечно смогут.

Доцент поддерживал плечи Коли, пока Саша крайне медленно и осторожно освобождал ногу. Как только он снял ботинок, со ступни полилась густым потоком бурая кровь. За моей спиной пошатнулась и упала на стол одна из девчонок.

– Вот как! Японский бог... – Сашка одной рукой держал ногу Исакова, а в другой его вымокший от крови ботинок. Он повернулся ко мне и многозначительно повертел ботинком в воздухе. Подошва на манной каше была толстой, прочной и, клянусь богом, абсолютно целой.

В ответ я опять лишь развёл руками. Что сказать? Чертовски странно!

Мой друг двумя пальцами стянул бурый от крови носок с Колиной ноги. Раздались изумлённые крики и сокурсники подались назад. Начиная от внутренней части ступни, и затем вдоль всей пятки шёл глубокий порез, из которого, не останавливаясь, струилась кровь.

– Астафьев, давай! Работай, – Семирядинов кивнул Сашке и тот, не медля, стянул через голову свою кофту. Руки моего друга уже по локоть обагрились Колькиной кровью. Он

сидел на коленях, словно практикующий с мертвецами агхори, внушающий ужас и отвращение. Плотно обмотав кофту вокруг ступни, Саша и доцент помогли Коле привстать на здоровую ногу.

До того относительно державший себя в руках Исаков заплакал.

– Потом Коля, потом. Надо потерпеть, – Семирядинов вновь бросил вызов. – Снесём его на первый этаж. Кто-нибудь поможет?

Я подхватил Исакова под ногу. С другой стороны взяли ещё двое ребят, и мы осторожно понесли его вниз по лестнице к медпункту.

За все время нашего пути доцент несколько раз повторял «Все будет хорошо», в чём я впервые сильно засомневался после того, как Коля завопил: – Ребята посмотрите на лицо, а! Умоляю, скорей. По-моему чего-то там плохо!

Мы уставились на его лицо. Под носом открылась небольшая, но препротивнейшая ранка, из которой дьявольской росой выступило несколько капель крови. На подбородке наливался бардовый синяк, в центре которого отчетливо выделялись кромки некогда почти незаметного шрама. Но самое неприятное зрелище являла собой кожа на шее. Она вся была в мелких царапинах и точечных ранках. Будто Исакова хлестали ветками крыжовника по ней. Взирая на всё это, я мог дать руку на отсечение, что всего несколько минут назад ничего подобного на Колькином лице и шее не было и в по-

мине!

Семирядинов толкнул меня коленом под зад: – Пошли.

Мы двинулись дальше чуть ли не бегом. Давно знакомая краска на стенах ВУЗа, кафель бордюра, истертое дерево полов – все мельтешило у меня перед глазами, и должно, казалось, успокаивать привычкой, близкой к ощущению уюта дома. Но сегодня в этот дом, как мне показалось, уже не вернётся спокойствие. И не ошибусь, если скажу, что каждый из нас уже осознал, что происходит нечто из ряда вон выходящее, и от этого неприятно холодило в паху.

За оставшееся время пути я лишь усилием воли удерживал себя от желания вновь посмотреть на лицо вопящего Исакова. Вокруг мелькали люди. Вопрошающие взгляды провожали несущуюся окровавленную кавалькаду на всём пути до медпункта. Увы, и там ещё одно открытие, похлеще метаморфоз с лицом Исакова, поджидало нас у дверей.

Чуть не столкнувшись лбами с Семирядиновым, навстречу из них выскочила дежурный врач: – Ещё? – Взвизгнув, она выбросила вперёд полную руку с перебинтованным пальцем, словно распятие перед лицом нечистой силы.

– Что значит ЕЩЁ? – По-моему истекающий кровью Исаков заслуживал нечто большего. Хотя бы из жалости, в конце концов. Сложно было представить, что врачи в институтском медпункте регулярно принимают эшелоны с фронта. Но, оказалось, что для всего самого худшего то было лишь начало.

– Только не надо вопросов. Не сейчас, – врач сдвинула свои виски ладонями, отчего белая шапочка сползла на затылок. – Заносите его. Давайте, давайте, и, . . . – не найдя подходящего продолжения, она просто распахнула перед нами двери.

С порога я увидел две дюжины лежащих и сидящих на полу людей. Среди них преподаватели, студенты, сотрудники кафедр и знакомый сотрудник КПП института. На полу повсюду кровь – яркая и бурая, свежая и подсохшая, размазанная подошвами туфель и нетронутые аккуратные лужицы. На стене огромный плакат о профилактике гриппа: «ЗАЙМИСЬ СВОИМ ЗДОРОВЬЕМ СЕЙЧАС».

Стоял гул стонов. Меж больных сновали медсёстры и неизвестные добровольные помощники.

Врач быстро осмотрела Исакова, покачала головой, буркнула что-то подошедшей медсестре и выскочила из дверей.

– Кто-нибудь из вас водит машину? – сестра окинула всю компанию взглядом и уставилась на доцента.

– Вообще-то у меня есть машина, – с трудом далось Семирядинову. – А собственно, . . . а почему? Может, мне объяснят, что здесь происходит?

– А самим вам не заметно? – она обвела рукой изуродованных людей. – Их здесь слишком много. Не так ли? Чего-то определённого я вам точно не скажу. Простите, но . . . такова реальность.

– А . . . – Сашка хотел что-то спросить, но не нашёл слов.

– Послушайте меня, давайте без вопросов. Это уже с само-

го утра, – медсестра упала спиной на стену. Она выковыряла сигарету из пачки, смятой в заляпанном кармане, и, ничтоже сумняшеся в уместности, закурила. Выпустив сизое облако в шевелюру доцента, она прикрыла ладонью глаза. – Не хочу всё это видеть. Я же тоже человек! Понимаете вы или нет?

– Да мы собственно... – Семирядинов шагнул к ней совсем близко, но не решился взять за руку, хоть и потянулся.

Медсестра выпрямилась: – У нас всех... проблема. Большая проблема. Что-то происходит нехорошее. Верьте мне, ваш парень в очень тяжёлом состоянии. Здесь ему никто не поможет. Хотите спасти – везите в ближайшую больницу. Если там не возьмут – ищите другую, – позади неё завизжал пожилой мужчина с огромным кровавым пятном на животе. Сестра на миг застыла. Окурок обломился у фильтра в её пальцах. Но, показалось, она даже не заметила ожога и пошла к больному.

– Но ради бога, почему?! Почему вы не отправите его в больницу сами? Я хочу знать! – доцент последовал за сестрой.

Мы же не решались опустить Исакова на пол, хотя стремительно теряющий силы, он обмяк на наших и без того уставших руках.

– Слушайте меня, – медсестра решительно приблизилась вплотную к Семирядинову. – Сегодня через меня лично прошло не менее тридцати человек с такими увечьями, которые вам и не снились. Истекающие кровью, вопящие на чём свет

стоит. Всем нужна помощь и у всех один вопрос: «Почему?». Все хотят знать. Также как и я сама хочу. Но не знаю! – на последнем слове она вскрикнула и развела руками. – И никто из нас, находящихся здесь, не знает. И, верите, меньше всего мне сейчас нужны ваши вопросы. Мое место рядом с больными. Надеюсь, это понятно? – повисла пауза. – Так. С этим мы разобрались, – медсестра потёрла лоб и решительно взглянула вновь на доцента. – Теперь дальше. Ситуация тяжелейшая. Врачи не могут остановить кровь. У больных раны появляются по всему телу! Глубокие, поверхностные, широкие, маленькие – на любой вкус, если угодно. Появляются и всё тут. Больше и больше, прямо на глазах. Мы не можем помочь всем им так, как это действительно нужно. Не здесь. «Скорая» не приезжает уже часов шесть. И её не будет, я даже не сомневаюсь в этом. Так что, – она всё же приблизилась и нагнулась к Исакову. – Я перетяну ему раны, а потом быстро везите спасать парня. Иначе он помрёт у вас на руках от потери крови. Я вас предупредила.

Семирядинов захлопал ртом будто рыба. Затем опустил глаза в пол и тихо выругался матом.

Мы, наконец, положили Колю на паркет, пока медсестра пошла за бинтами. На лице нашего сокурсника открылась рана под шрамом, из которой безудержно струилась кровь. С уголков приоткрытого рта также закапало.

Исаков весь был в красном. От сошедшихся на переносице морщин до пальцев ног. Алая, алая кровь. И я поймал се-

бя на мысли, что уже не чувствую отвращения к этому зрелищу. И даже счёл, что, пожалуй, такое привыкание можно считать удачным в сложившихся обстоятельствах.

Тем временем, в стенах института стоял невообразимый шум, гулом доносящийся до нас из-за закрытых дверей медпункта. Я прислонился плечом к плакату на стене и опустил глаза. Рядом, у ног хрипела буфетчица. То ли Зина, то ли Нина (всегда плохо помнил имена). Я посмотрел в её глаза, а она на меня. И я не смог отвести взгляд, будто сцепившись с ней. Минута шла за минутой, а я всё смотрел зачарованный и словно видел, как заряд её жизненных сил подходил к концу, а уходящая энергия ещё блестела на поверхности зрачков женщины, но совсем не так, как должна была. Женщина цеплялась за меня скорбным взглядом и по незримой протянувшейся меж нами нити вопрошала глазами: «За что? Почему я?». В голове откликнулся воспоминанием её прежний облик: обаятельной хохотушки за барьером прилавка буфета института. Неужели это её конец? Вот так оно и происходит? Разорвав связь, я закрыл глаза и отвернулся.

Тем временем, мой друг подскочил к Семирядинову с мольбами взять его с собой, чтобы отвезти Колю. Они размахивали руками, что-то обсуждая на повышенных тонах, хотя обоим сразу стало понятно, что доцент мгновенно согласился. Я же находился в некоем оцепенении, пока Сашка не вцепился в рукав: – Поехали с ним. Давай!

Очнувшись, я не сразу понял друга.

– Куда? Зачем Саш?

– Поехали, дурень! Разве ты не видишь, что происходит?

Мы должны знать почему!

Сашка вцепился в Исакова и, с силой, буквально потащил нас за собой на улицу. Медсестра пожелала удачи и захлопнула за спиной дверь.

У подъезда института мы с трудом прорвались сквозь толпу возбуждённых студентов. Семирядинов протискивался бочком к автостоянке, пока Саша свистом и окриками разгонял пристающих с вопросами.

Загрузив теряющего сознание Исакова на заднее сиденье Жигулей доцента, мы наспех попрощались с товарищами, что помогали нести тело и втиснулись в машину.

Я сел рядом с Колей и придерживал его голову на коленях. Исаков дышал часто и неровно, упершись взглядом в потолок машины. Мне показалось, он впал в забытие, что было совсем неплохо. Весь в крови. И я с ним такой же. Мы перепачкали доценту сиденье, но я надеялся, что химчистка справится с этой оказией. Даже аккуратно вытер собственным платком красное пятно рядом с ногой.

Саша стал штурманом рядом с доцентом. Оба под воздействием адреналина, они энергично обсуждали маршрут до больницы. А я молчал. Обнял Исакова и смотрел в окно. Сашка время от времени, что-то спрашивал у меня, но скоро махнул рукой и перестал.

Мелькающие объекты за стеклом сработали усыпляюще. Очевидно, защищаясь от эмоционального фона, разум счёл наилучшим отрешиться от реальности.

Мне привиделись чайки на безлюдном берегу океана. Раздирающие клювами нечто, напоминающее человеческое тело, завёрнутое в лохмотья. Подул ветер, нагоняя барханы на брошенном пляже. Холодный ветер. По мокрому песку пробежала маленькая девочка, держа в руке алый воздушный шарик. Шарик будто пел. Пел о том, что скоро все почувствуют силу пришествия нового духа. Мелодию нарушил грубый звук клаксона, и шарик обиженно замолчал. Вместо него зашептала девочка: «Некуда бежать. Круг замкнулся». Она повернулась ко мне, и ее детский рот обезобразил жуткий оскал. На сцене появилась буфетчица, то ли Зина, то ли Нина. Она бежала задом наперёд и кричала: «Всё возвращается. Мы помним! Всё вернется...»

Жигули доцента скакнули в яме, и я с криком очнулся.

– Ну, ты даешь! – Саша и не скрывал своего раздражения. – Как так получается то у тебя спать в такие моменты?

– Да пошёл ты, – я потёр виски пальцами, забыв, что они все в крови Коли. Заглянул в салонное зеркальце и сплюнул от досады под ноги.

Мы проезжали по двухполосной дороге, разделяющей незнакомые дворы. За окном автомобиля пронеслась пара, шествующая по тротуару. Мужчина с портфелем в руке и молодая девушка, прижимающая к груди букет цветов. Со-

вершенно обыденная картина. Я отметил их про себя и вдруг испытал озарение. По телу пошла дрожь. Сквозь мешанину внутреннего диалога неожиданно выкристаллизовалась чёткая мысль.

Я прижался к Исакову. Сперва шёпотом я позвал его: – Исаков. Коля... слышишь меня? – он чуть повёл глазами в мою сторону, но затем веки под тяжестью опустились.

– Исаков очнись! Ну же! – я поднял его голову за подбородок и повысил голос.

Сашка повернулся к нам и уставился на Исакова. Тот с выдохом надул губами розовый пузырь: – Да.

– Коль, потерпи, немного осталось, только скажи – ты же порезал свою пятку раньше? Было такое? Может и с рукой, и с лицом тоже? Когда это было Коля? Когда?

– Давно была пятка. В детстве. Я с гаража прыгнул. Стекло. Босые ноги и... привет. Глубоко резануло. Месяц, как тушкан, на одной ноге прыгал, – его рот растянулся в ужасной улыбке, открыв взгляду зубы, покрытые красной плёнкой слюны. – Зажило. И... Что происходит Филин? Руку резал года три назад. Какого чёрта сегодня случилось? Ты послушай меня, я крепкий вообще-то человек. Но тут... сижу, боль прямо пронзила. Вот ведь, нажил вам... Где мы, а? Мне плохо очень. Выворачивает всё внутри, холодно, брат. Лицо болит, по спине, чувствую, течет. Филин помоги, – он попытался обнять меня, но потерял сознание.

Я посмотрел на Сашку. Казалось, что-то стало прояснять-

ся.

– Павел Николаевич, прибавьте. Очень надо, – Саша уже не кричал. Он задумчиво смотрел вперёд, изредка поторапливая Семирядинова. Похоже на то, что время сейчас для нас без преувеличения является вопросом жизни и смерти.

– Здесь, – доцент вырулил на бордюрный камень тротуара перед серым зданием. Кругом была уйма народу. Сотни людей. По периметру больницы шла настоящая осада. Жители города кричали и набрасывались на каждую прибывающую и пытающуюся выехать машину с красным крестом. На крыше больницы издевательски мерцала неоновая реклама противозачаточных таблеток. Я зажмурился и вновь открыл глаза. Всё осталось, как и было. Всё же верно заметила сестра: это не кино, будь оно неладно.

После минутного замешательства, мы схватились за Колю и выволокли его из Жигулей. Доцент был с нами, но...

– Филиппов, тащи его скорей! – доцент хлопнул меня по плечу. Мы с другом подхватили Исакова на руки и понеслись к дверям больницы. Пробежав метров тридцать, я остановился и оглянулся назад. Ни Жигулей, ни доцента Семирядинова Павла Николаевича не было на горизонте.

– Проститутка учёная! – Сашка плюнул в сторону испарившейся машины.

– Давай вперед, может, удастся прорваться.

Пыхтя из последних сил, мы тащили тело товарища, без лишних обсуждений понимая, что нужно делать. Исаков в

эту минуту был наш реальный шанс попасть в жерло информационного потока. Прямо к первоисточнику. Где, вероятно, подтвердятся наихудшие наши домыслы, либо заблестит надежда. Глядишь, Семирядинов прав: «Всё будет хорошо».

На пути к дверям больницы царил невиданный мной доселе хаос и столпотворение. Здоровые люди держали раненных и кровоточащих. Тут же их теснили другие вновь прибывающие. И всё это с криком, матом, истеричными возгласами. Единицы, не приближаясь к толпе, садились и ложились на грязный асфальт. Я чуть не задел ногой плачущего мальчика лет десяти. Он тёр дрожащей пятернёй глаза, другой рукой прижимая к худому тельцу игрушку робота. И рыдал навзрыд, один. Может быть, потерянный, может быть, оставленный родителями. Эта иллюстрация потрясла меня до глубины души, и лишь на силу я не бросил Исакова тотчас жё. Плачущий беззащитный ребенок или собственная шкура? И решать не пришлось, мой друг тащил меня дальше.

Сблизившись с первым кольцом плотного окружения больницы, Сашка завопил: – Санитара несём, дорогу!

Я поддержал его истошным вторящим воплем.

С фантастической ловкостью и невероятным везением нам удалось прорваться ко входу в здание. В спину сыпались тычки и гневные выкрики из толпы. Кто-то запустил в мою голову пластиковой бутылкой. Иные, наверняка, не прочь были бы приложиться и значительнее. Рвали за воротник. Сашке выдрали клочок волос из головы. Но мы всё равно это

сделали. Исаков был у порога.

Продираясь сквозь людей, я видел обезображенные ранами лица и тела несчастных сограждан. Спрятанный за гримами гнева страх. Неподдельные страдания и боль. Это землетрясение, ураган, война – стучало в моей голове. Иного просто нельзя и представить себе.

Саша ударил по двери ногой. Я закричал: – У нас врач! Помогите! Немедленно!

Времени мало. Очевидно, что обратного хода с Исаковым на руках для нас нет. Одно из двух: либо толпа нас раздавит и жестоко затопчет, либо чудодейственный источник нашей силы иссякнет, и тогда Коле конец. Я и сейчас-то не был до конца уверен, что он сможет протянуть ещё хоть несколько минут.

Сашка молотил ногой по двери, я орал как резанный, и нам снова повезло. Двери неожиданно приоткрылись, и сильные руки, ухватившие тело Исакова, втянули нас за собой в щель с полметра шириной. Также стремительно как открыли, дверь захлопнули перед ринувшими к ней людьми.

Мы очутились на грязном кафельном полу больницы. Я упал навзничь, прикоснувшись лицом к плитке, и вдохнул пыль частым дыханием, отчего зашелся кашлем, сплевывая под нос. Сашка распластался рядом и тарашился на меня, прижав щеку к полу.

– Этот что ли врач? Что за херня?! – два рослых санитаря держали за руки повисшего, и по-моему уже не дышащего,

Исакова. Один из них с какой-то животной ненавистью посмотрел мне прямо в глаза.

– Врач, врач. Самый лучший врач. Он гений, мать вашу! Спасайте его. Что вы встали, олухи? – Сашка с трудом поднялся на ноги, схватил меня за шиворот и потащил за собой. Из последних сил мы рванули по коридору подальше от санитаров. Минуя первый поворот, и запутывая следы, мы, загребая руками, пронеслись по галерее смотровых. За другим поворотом вскочили в первую попавшуюся дверь и рухнули на пол. Дверь закрылась.

Я прижался затылком к стене, раскинул руки и стал глубоко дышать. В груди колело, и пересохшее горло пропускало воздух с болезненными хрипами. На глазах предательски выступили слезинки, то ли отчаянья, то ли физического надрыва. Сказывалось длительное отсутствие физических нагрузок. И впору было клясть себя за то, что уже сколько лет я давал обещание начать делать зарядку по утрам и каждый раз слал все это в известном направлении, открывая глаза.

Саша скрючился в позе зародыша в метре от меня. Непривычно резала слух тишина, в которой мы могли различать собственное дыхание. И ещё темнота. Бледный свет падал от покрашенного белой краской окна, но, на контрасте последних часов, наше убежище казалось настоящей чёрной дырой.

Спустя несколько минут сумасшедшее биение сердца поумерило свой темп. Мы кое-как оправились и сели плечо к плечу.

– Хорошая работа Филин, – друг ткнул мне кулаком и улыбнулся.

– Ты прав Саня. Мы сделали, что могли. – В голове всплыл образ маленького плачущего мальчика. – Почти всё... Надеюсь Исакову представится случай отблагодарить. Я ему ещё счёт предъявлю. За новую рубашку и за джинсы тоже.

Я оглядел свой непотребный гардероб, что не осталось незамеченным другом.

– Ну, ты и чучело. Ты б себя видел! – Сашка прыснул под нос.

– Э–э... на сэбя пасматри!

Наши глаза встретились и тут мы загоготали в голос, разносящийся эхом под потолком.

Из комнаты мы вышли, когда сочли, что кампания по нашему поиску завершилась. Саша нашел мятый белый халат и накинул на себя. Мне же отдал свою рубашку, выглядящую куда более презентабельно, нежели моё кровавое рубище. Если не приглядываться, мы вполне могли бы сойти за застрявших здесь практикантов.

Я выглянул наружу. Впереди был длинный коридор с многочисленными дверьми. Мы направились по нему, стараясь всем видом демонстрировать, что оказались здесь не случайно.

Удручающий внешний вид больницы, сам собою свидетельствовал о справедливости выражения «дома и стены ле-

чат». Потому как эти стены скорее усугубляли болезненное состояние пациента. Серый в подтёках потолок. Бежевая краска стен, заляпанная грязными отпечатками тысяч тел. Будто тиражируемая по всем подобным учреждениям брошенная каталка без колес. Годами подпирающая, какой-нибудь особо важный угол. Немытые окна.

По всему этому великолепию сейчас пронеслись люди в халатах и без. Тут же рядом стояли, сидели и лежали больные. Всё те же симптомы кровоизлияния повсюду. Мы шли и слушали, доносящиеся из громкоговорителей под потолком объявления о вызовах врачей.

Саша нагнулся: – Слушай сюда. Берём первого пожилого засранца в белом халате и припираем к стенке.

– Почему именно пожилого?

– Если я все правильно понимаю, то старики не жильцы. Улавливаешь? Им нечего терять. Они первые просекут ситуацию. Это жизненный опыт, как не крути. Плюс профессиональная смекалка. Врач всегда начеку. Удивить болезнью врача со стажем надо постараться. Тут, может, Финин, всё только начинается. Сколько у тебя ранений было?... У меня вообще все ноги избиты футболом на асфальтовой площадке. При падении как рубанком кожу снимает. Понимаешь? А родители? Да что говорить... – он махнул рукой. – То-то и оно. Знаю, что думаешь о том же, о чём и я. А в прогнозах, старик, опыт незаменимая вещь.

– Как скажешь. Пожилые так пожилые. Я вообще в полной

пострации. Это всё бред какой-то...

– Кончай причитать, Филин. Разуей глаза. Пятка Исакова была в моих руках, и мы с тобой до сих пор по уши в его крови. Захочешь пожалеть себя, скажи заранее, чтоб я подготовился к тому, что скоро также поташу лучшего друга сюда на собственных плечах. Дотащу, не беспокойся! Дело не в... Смотри вон наш клиент! – Сашка неожиданно потянул меня в сторону курящего у окна врача преклонного возраста.

Мы подошли к статной фигуре в белом халате.

– Профессор, умоляю вас уделить нам внимание. Решается вопрос нашей жизни и... Да, только жизни. Всё чрезвычайно важно и всё такое... Поговорите с нами, потому что мы всё равно не уйдем отсюда, не прояснив для себя что, чёрт побери, происходит! – Саша решительно взял врача за руку.

Доктор повернулся анфас, и я невольно ахнул. На испещрённом морщинами лице беспорядочно были наклеены пластыри с марлей, окрасившейся в красный цвет. Под скулой набухла нехорошая шишка. На руках мужчины скрипели перепачканные резиновые перчатки, из-под которых торчали узелки бинта. В зубах он зажал фильтр сигареты с более чем сантиметровым столбиком пепла. Через спущенные на кончик носа очки он посмотрел сверху на Сашу.

– Я не профессор, – пожилой врач улыбнулся, и с края одного из пластырей выступила свежая капля крови. Мужчина подобрал ее перчаткой. Затем вынул сигарету изо рта

и бросил ее на пол. – Извините.

– Доктор, мы привезли сюда друга. Он истёк кровью из ран, полученных им в детстве. Молодой, крепкий парень. Может, он уже мертв. В институте медкабинет переполнен израненными людьми, так что кровь ведрами выносят. Здесь толпы калек. Что за чехарда? Словно эпидемия какая-то! Это вирус? Мы тут с другом заметили некую последовательность, но нам непременно надо знать мнение специалиста. Вы же врач? Да?! Вижу, что врач. Он, то есть Исаков, то есть друг наш, в детстве ногу порезал, понимаете. Порезал десять лет назад, а сейчас аукнулось. Странно, не находите? Не говорите ничего! Дайте закончить, – Саша поднял руки, предупредив желание врача ответить. – А потом на лице у него на наших глазах синяк за синяком и каждый кровить начал. Под одеждой еще. Да везде! Это куда годится? Что ж теперь, если я боксом в юности занимался или в футбол играл, конечно были травмы. Тут и говорить нечего. Джеб, джеб, кросс. И вот тебе на! Нокаут от выбитого зуба десятилетней давности! Здорово, но... Нам просто страшно, доктор, – он понизил голос, – скажите – почему?

Я порывался и сам что-нибудь добавить, но мой друг не оставил шанса. Главный вопрос был задан.

– Молодые люди, – врач положил ладонь на Сашино плечо, – не горячитесь. Что от этого проку? Мне ваши чувства объяснимы и вне всяких сомнений близки. Ищите ответа? Пожалуйста. Скажу как есть. Я и сам задался подобными во-

просами с началом сегодняшней ночи. Несколько десятков раз до настоящей минуты я слышал их от других. И вот что я вам скажу – никакого ответа у меня нет. – Он развел руками в стороны. – Вот так. Нет и всё тут! Может, кто-то... но не я. Хотя и являюсь врачом, и вы обратились по адресу. Но впустую тратите время со мной. Скажу лишь, что все мы здесь столкнулись с исключительно невообразимой ситуацией. Такого не бывает, потому что просто не может быть. То, что произошло с вашим другом, вовсе не домысел. На этот час это привычный уже синдром. Нелепый и страшный. СТРАШНЫЙ, слышите? Сродни катастрофе в её самом прямом смысле. Хотя и нонсенс с точки зрения науки. Катастрофический нонсенс! Вот как... Поверьте, я сожалею, но не могу ничем вам помочь. Повторюсь, может кто-то знает. Может... Ищите ответа у них. Хотя вряд ли здесь кто-нибудь понимает в чём, собственно, дело. Но вы ищите, ищите! Мы ещё живы и это главное. Именно это и есть та правда, которую вы хотите найти. И возможно, что всё только начинается. Да упасет нас Господь! – он перекрестился раздутой рукой, отвернулся и на негнущихся ногах зашагал по коридору.

Мы застыли у окна и провожали его спину взглядами, полными отчаянья.

– Послушайте, – на полушаге доктор обернулся, – поезжайте к своим близким. Если не сейчас, то очень скоро им потребуется ваша помощь. Или... их вам. Нужны резиновые жгуты и плотные бинты, слышите? Если повезёт, най-

дете что-нибудь в городе. Но не здесь. Хотя лучше было бы просто лечь отдохнуть. Просто лечь... Да. Да упасет нас всех Господь. Го-о-осподи спаси нас грешных! – мужчина воздел руки к потолку и громко заголосил.

– Пойдем отсюда, – я взял разинувшего рот друга под локоть и потащил подальше от тронувшегося умом врача.

Мы брели сквозь проносащихся мимо людей, как в тумане. Спотыкаясь и презрев осторожность. Совсем некстати. Страх. Страх перед необъяснимым охватил нас. И далеко не только за себя.

2.

Понимание происходящего. Реакция. Дневник: 01.

Больницу мы покинули через окно. Выйти через главные двери не представлялось возможным. Остаться здесь было столь же бесполезно, сколь и опасно. Навестив снова недавнее убежище – тёмную комнату, я открыл створку окна, порвав сохранившуюся ещё с зимы клейкую ленту утепления. Затем, неторопливо, мы перекинули собственные тела через подоконник наружу. Адреналин уже не кипел в крови, поэтому движения сделались медленными и натруженными.

Мы с другом жили на противоположных концах города, поэтому, миновав сквер больницы, разошлись в разные стороны. Расставаясь, мы условились, что бы то ни было созвониться вечером.

Саша проживал с мамой и папой, за здоровье которых, конечно, волновался. Превозмогая усталость, он скоро потрусил к ближайшей дороге ловить попутку. Я же был одинок. Мои родители уже без малого, как шесть лет назад погибли в нелепой автомобильной катастрофе, оставив мне в наследство двухкомнатную квартиру на окраине города и полный ворох совсем недетских проблем.

До сих пор я так и не сумел смириться с их утратой. И хоть давно уже и спрятал фотографии родителей с глаз долой, время так и не залечило раны. В тиши одинокого вечера я, как и прежде, утирал слёзы отчаянья на лице. Они по-прежнему стояли перед моими глазами как живые. Такие улыбчивые и влюблённые в жизнь. Один Бог знал, как мне их сейчас не хватало.

Большую часть пути домой я прошёл пешком. Любил так гулять и раньше. Мерной поступью пробуждая в себе идеи, которые, казалось бы, могли когда-нибудь стать достоянием мира. Но неизменно большинство из них никогда не доживали и до порога дома. Возможно, я был задуман создателем творческой личностью. Почему бы и нет? Однако, следовало признать, что не оправдал и самых скромных его надежд. В актив всего жизненного пути можно было бы занести только с десяток глупых стихотворений, псевдо авангардные рисунки на последних страницах учебных тетрадей и, как мне казалось, гениальную идею создания интернет-сайта продажи хорошего настроения. Которая, собственно, не нашла свое-

го отражения ни в единой записи или схеме. Я признавался себе в том, что являюсь никчёмной личностью, с чем благополучно продолжал, однако, жить дальше.

Я шёл по тротуару вдоль широкой улицы и всматривался в окружающий меня город. Зондировал его, прикидывая новые события на прежние пейзажи.

Я глядел на лица, пронсящих мимо меня людей. Наблюдал за движением автомобилей. Старался заметить *нечто* в порывах ветра, гонявшего под ногами мусор. Прислушивался к какофонии звуков. Пытался отыскать что-то из ряда вон выходящее. Но в привычном броуновском движении Москвы обратить на себя внимание могла, пожалуй, только остановка этого движения. Всему остальному всегда найдется объяснение, которое большинство сочтет незначительным поводом присмотреться. Однако, не почудилось же мне всё происшедшее? Конечно нет. Достаточно взглянуть на собственные джинсы, пропитанные кровью Исакова.

На улицах же рекламные щиты, как и прежде, зазывали «окунуться в мир бескрайних удовольствий с...». В палитре светофоров не оказалось новых цветов. Деревья не упали на землю. А люди не побежали на четырех конечностях. Все как прежде и всё же... Не покидало ощущение, что настало время больших перемен. Настолько больших, что без исключения всем придётся ощутить их на собственной шкуре. Перемен страшных. Безвозвратно изменивших ход эволюции.

Войдя в квартиру, первым делом я включил телевизор. Бегущая строка субтитров поверх картинки мыльной оперы призывала телезрителей дожидаться начала экстренного выпуска новостей. Строка исчезла, жгучий мексиканец брякнулся на колени перед красоткой с феерической прической, и вновь внизу экрана под их любовь подостлали белые буквы: *Внимание. Программа передач будет прервана экстренным выпуском новостей.* Вот оно! Все же Спецвыпуск!

Наскоро умыв лицо и сняв наконец грязную одежду, я сел у экрана.

Привычная графика заставки сменилась изображением обеспокоенного лица диктора.

– Добрый день... Бла-бла-бла... Канал такой-то... Бла-бла-бла... и: – Необычная ситуация сложилась за прошедшие сутки на территории нашей страны и не только (Вот тебе на!). Участвовавшие обращения граждан в медицинские учреждения по всей территории России свидетельствуют э-э-э... (волнуется) о невиданном всплеске травм различного характера, возникающих, казалось бы, в простых бытовых ситуациях. В настоящий момент зафиксировано... только официально, свыше ста тысяч обращений с тяжелыми повреждениями органов тела. Во многих случаях подтверждается летальный исход (нервно зашуршал бумагами на столе). К сожалению, отсутствуют пока цифры погибших. Но, разумеется, наш канал ознакомит вас со списками жертв катастрофы и..., их родные и близкие будут владеть всей необходи-

мой информацией.

– Итак, как нам стало известно, медицинские учреждения страны не справляются с увеличившимся потоком пострадавших. В текущее время Президент России проводит экстренное заседание Правительства, на котором будут разработаны необходимые меры по предупреждению масштабного варианта развития сложившейся ситуации. Нельзя исключать и принятия решения о введении режима чрезвычайного положения на всей территории страны ввиду массовости явления и его исключительного характера.

Экран подернулся рябью. Лицо диктора на мгновение изказило чудовищной гримасой. Брови оторвались от глазных яблок на добрые пять сантиметров, нос сплющило в бутылочную пробку, а в огромный рот легко поместился бы зрелый ананас. Динамики зазаскрипели помехами, но уже через несколько секунд всё пришло в норму.

– Наш собственный корреспондент взял интервью у заместителя министра здравоохранения Геннадия Озлобина, в целях оценки ведомством сложившейся ситуации:

– ... Да, сложившаяся ситуация вызывает обеспокоенность, в связи с чем приняты экстренные меры по мобилизации военных медицинских подразделений, призванных оказывать оперативную помощь населению. (А неплохо держится замминистра, только вот глаза припухли, и постоянно тербит нос). Вместе с тем, хочу подчеркнуть, что ситуация находится под контролем. Президент в курсе и, на мой взгляд,

нет оснований для паники. Более того, призываю россиян воздержаться от любых противоправных действий, что в настоящее время будет особо расценено в отягчающем контексте. Мы все должны в первую очередь стать сострадательными и внимательными к своим соседям и ни в коей мере не переоценивать сложившееся положение.

– Проведен ли к настоящему времени анализ возможных причин, которые могли спровоцировать происходящее?

– Давайте не будем забегать вперед. Пока ситуация в целом не оценена и нет оснований считать ее особенной, либо награждать какими-нибудь иными ярлыками. На все нужно время. Как человек... как гражданин с неким жизненным опытом. Могу сказать, что необычность, в кавычках, положения могла быть вызвана реакцией некоторых людей на сейсмическую обстановку. От дальнейших комментариев я воздержусь до окончания заседания Правительства и объективной оценки ситуации специалистами... Предостерегаю провокаторов разного толка от необдуманных публичных выступлений о терроризме и так далее. И обращаю внимание на то, что разжигание подобного рода страстей является уголовно наказуемым деянием. Повторюсь, в настоящее время с отягчающими обстоятельствами... Ещё раз: оснований для паники нет! Ситуация находится под контролем (моргая, первый раз прямо смотрит в объектив, но быстро отводит глаза). На этом всё (он кивнул).

Диктор продолжил: – Несмотря на сложившуюся непро-

стую ситуацию в медстационарах Москвы, нашей съёмочной группе удалось проникнуть во вторую городскую больницу и на месте выяснить детали происходящего. Об этом в репортаже Сергея Фёдорова:

На экране телевизора возникло рябое лицо корреспондента на салатовом фоне стен больницы. За его спиной в углу экрана уместилось кресло-каталка с человеком внутри. Не чётко видно, но тот, как показалось, держал на коленях молитвенник. Он то и дело, поднимал голову от него и произносил слова, направляя их куда-то в потолок. Покуда, корреспондент начал вещать, потряхивая у рта чёрной головой микрофона, я уже увлекся наблюдением за человеком в кресле. За искренностью его мимики и жестов. Так и виделось, что он вёл диалог, с тем, пред кем излишне лицедействовать. С тем, кто услышит только правду, а ложь пропустит мимо ушей. Подобное видишь настолько редко, что меня поглотило наблюдение за этим человеком. В искренности происходящего изливалась сила, воздействовавшая на меня так, что мурашки по коже пошли.

Кончилось всё тем, что человек в кресле бросил собственные руки на колени и уронил голову. Скорее обреченно, чем от бессилия. И будто бы совпало – камера немедленно взяла крен влево ещё ближе на корреспондента, спрятав от зрителей кресло и его седока.

Я встал, сходил в ванную комнату и умылся холодной водой. Подействовало отрезвляюще. Захотелось наполнить во-

дой свою чугунную купальню и погрузиться туда с головой. Но любопытство брало верх. Я посмотрел на собственное отражение в зеркале и попытался улыбнуться. В уголках рта будто вросли гвозди, и ничего не вышло. Тогда я вернулся в комнату и снова сел у телевизора.

– ... неприметно. Да, так могло бы нам всем показаться, – всё тот же рябой корреспондент кивнул в камеру, закончив с предыдущим умозаключением. – Как бы то ни было, сегодня, без всякого сомнения, самый сложный день в истории этой больницы. Но профессионализм врачей обращает невозможное в привычную работу. Начисто переписывая график. И никто не уходит со своего поста. Ведь за прошедшие сутки с момента поступления во вторую городскую больницу первого пострадавшего с диагнозом новой болезни, учреждение приняло не менее пяти тысяч человек! Огромная по своей значимости цифра. Из них (сглотнул), по полученным сведениям, значительная часть уже скончалась к этой минуте. У принятых больных был различный характер наружных повреждений и повреждений внутренних органов, однако, уже сейчас мы можем говорить о факторе, объединяющем их всех. Это беспрецедентный до сегодняшнего дня случай повального, высшей категории сложности, кровотечения, а именно: кровотечения, при котором кровь пострадавших утратила свою способность к свёртыванию. Тысячи людей сейчас истекают кровью, и ничто не в силах остановить этот процесс.

– Рядом со мной находится одна из врачей больницы, которая согласилась поделиться с нами своими наблюдениями.

На телеэкране появилось измождённое лицо женщины в скомканном белом чепце на голове. Врач, не мигая, смотрела в камеру воспаленными глазами:

– Можно говорить? – она обернулась к интервьюеру.

– Да. Спокойнее пожалуйста, – сказал тот тихо, когда передавал женщине микрофон. Но мы всё слышали.

– Э-э... за сегодняшние ночь и день в больницу поступило огромное количество пострадавших с ранами и повреждениями различной степени тяжести. По графику приёма больных, пока мы ещё были в состоянии его вести, могу сказать, что основной всплеск прибытия в больницу людей пришелся на утреннее время. Где-то с семи часов утра. С тех пор количество поступающих больных катастрофически росло и на данный момент больница не в состоянии не то что бы оказать помощь, но даже осмотреть ВСЕХ прибывающих. Поймите правильно, мы стараемся делать это... не могу подобрать слова. Частями, наверное, – женщина вопрошающе и с участием обернулась в сторону корреспондента. Тот, видимо, одобрительно кивнул, потому что она продолжила.

– За стенами нашего учреждения собрались люди, которых мы, к сожалению, не можем сейчас обслужить. От лица своих коллег я прошу прощения у всех, кому мы пока отказали.

– Кошмарная ситуация, – корреспондент вернулся в кадр

и фамильярно взял женщину под локоть. Судя по всему, таким образом он хотел её поддержать и, тем самым, довести беседу до только ему известного конца. – Нина Владимировна, объясните, можно ли говорить о начале какой-то эпидемии? В чём особенность и, что самое главное, причина сложившейся ситуации?

– Скорее это действительно похоже на эпидемию, – она отодвинулась от репортера и отцепила его ладонь. – Однако я не взялась бы утверждать, что это может быть связано с какими-то объяснимыми причинами (женщина преимущественно говорила всё-таки с корреспондентом, нежели в камеру). Мы имеем дело с поистине уникальным проявлением патологического дефекта крови. Можно сказать, что медицине известны подобные случаи. Но, уверяю, схожесть эта весьма и весьма относительна. Пожалуй, это можно сравнить с гемофилией, когда в крови отсутствует фактор, необходимый для её свертывания. В то же время, я не могу сказать, что это гемофилия в привычном её понимании. На практике это достаточно редкое заболевание наследственного характера. Сейчас, если угодно, налицо его жуткая модификация. Чтобы делать какие-то выводы вот так, сразу, необходим научный анализ происходящего. Осмелюсь предположить, что для этого потребуется серьезное исследование крови каждого из больных. Причины же заболевания... У меня нет ответа. К слову, с определённостью могу констатировать, что ни один из больных, ранее наблюдавшихся у нас и сегодня

вновь к нам попавших с потерей крови, не стоял на учёте с гемофилией. При оказании помощи таким пострадавшим практически невозможно остановить кровотечение. И, как следствие, большая часть поступивших в больницу на данный момент уже скончалась либо от шока, либо от фатальной кровопотери. Среди этих людей немало и моих коллег, – её голос дрогнул, но на лице будто ничего не отразилось. Она хорошо держалась.

– Весьма странно, – продолжала женщина, – что с одной и той же проблемой люди в огромном количестве попадают сегодня в беду. Повторяю: заболевания крови такого характера не были до сих пор распространённым явлением. Это редкая патологическая форма. Ещё более странным выглядят причины возникновения у больных наружных и внутренних кровотечений. Насколько нам удалось выяснить, среди раненных людей практически нет тех, кто получил травму в этот же день. Как ни невероятно это звучит, но мы наблюдаем некий обратный процесс вскрытия ран, уже заживших до сегодняшнего дня. Весь ужас ситуации состоит в том, что человек, попавший под влияние этого процесса, без очевидной на то причины переживает последствия травм годичной, десятилетней, и значительно большей давности. На деле выходит так, что любой порез, ссадина, укол, не знаю, ... (подняла глаза к потолку) любая травма тела когда-либо в прошлом связанная с кровотечением сейчас провоцирует организм на «вспоминание». Переживание телом заново имев-

шихся травматических последствий. Простите, если я путано изъясняюсь, но до сегодняшнего дня такое невозможно было себе и представить... В тканях и сосудах тела происходит процесс с абсолютной точностью повторяющийся, некогда имевший место процесс заживления раны, только в обратном порядке. Это звучит также нелепо, как и выглядит, но вместе с тем остается фактом, с которым мы имеем дело.

– Вы хотите сказать, что эти травмы дело прошедших дней, а не э-э-э... каких-то..., я не знаю, обрушившихся несчастных случаев? – микрофон в руке корреспондента заметно подрагивал.

– Именно так. На этом фоне неразрешимая для всех нас загадка отсутствия свёртываемости крови делает, чуть ли не бессмысленными все усилия врачей. Малейшая травма, царапина на пальце – это прямая угроза жизни пациента.

– Просто не верится, что это происходит... Не могу не спросить вас о том, что волнует, уверен, каждого из смотрящих нас сейчас. Нина Владимировна, что бы вы могли порекомендовать людям? Как вести себя, в случае э-э-э... попадания в такую ситуацию?

– Необходимо остановить кровь. Любым доступным способом. Не лишним было бы заранее заготовить жгуты – в качестве них сгодятся широкие ремни и бинты. Элементарно избегать травмоопасных ситуаций и держаться рядом с людьми. Учитывая страшную динамику развития катастрофы, я посоветовала бы каждому обзвонить своих близких,

друзей и соседей, и не отказывать в помощи никому. – Обращаясь уже к корреспонденту, – пользуясь имеющимися возможностями нужно довести до сведения людей наглядные примеры обращения с подручными средствами. Надеюсь, разрастания масштабов этой беды удастся избежать. Каким образом?... Я пока не знаю.

Она отвернулась, на мгновение замялась и затем вновь повернулась к объективу: – Денис, я прошу тебя, объявись. Срочно приезжай ко мне. Пожалуйста, – бросив в камеру, врач широкими шагами пошла прочь по коридору.

– Me-e-e, – промычал вконец растерявшийся корреспондент. – Это был прямой эфир.

Репортаж окончен. На экране снова появился диктор из студии:

– Мы, не переставая, получаем сведения и из других стран мира, в которых происходят такие же случаи повсеместно распространяющейся трагедии...

Один за другим последовали репортажи из разных точек нашей планеты, неопровержимо свидетельствующие о возникновении глобальной проблемы, всю серьёзность которой подтверждало невероятное число пострадавших к этому часу. Спешно формировались правительственные комитеты, образовывались специальные комиссии, объединяющие в себя представителей сопредельных государств. Предпринимались первые попытки осмыслить происходящее и найти причину.

Выпуск новостей длится беспрецедентно долго, но при этом неизменно закончился прогнозом погоды на следующий день. Это несколько обнадежило постоянством. Хотя и не настолько, чтобы заглушить, доносящийся уже как полчаса, женский вой в какой-то из соседних квартир. Горестный и пронизанный болью.

Я переключал телевизор на другие каналы. По каждому из них то и дело показывали обширные выпуски новостей, освещающие основное событие дня. Но как бы то ни было, было очевидно, что телезрителям требовалось нечто большее, чем статистика. Полагаю, все без исключения ждали инструкций компетентных лиц страны, выводов и прогнозов, плана мероприятий по нормализации жизни. Однако, информационный поток оставался всего лишь потоком страшных и любопытных свидетельств. Констатацией обнаруженных фактов. И, я не сомневался в том, что касалось нашей родины – явно в преуменьшенном ракурсе.

Преимущественно источниками оперативной информации оставались больницы. На смену рекламным роликам в опрятном антураже, на телевидение явились реальные съёмки людской боли в казённых стенах. Заляпанные кровью интерьеры в тех местах, где их уже не спрячешь при всём желании. Усталость и страх в глазах медицинских работников, не прикрытые тёмными стеклами. Нынешняя реальность. И повсюду кровь.

Давным-давно, казалось, я познал terra incognita соб-

ственного воображения. Навянное писателями-фантастами, мастерами хоррора, преумножалось во мне среди тёмной ночи и оскала зловещих теней на стенах. Порой такое надумаешь, что, кажется, не превзошел бы ни один философ бытности. Совершенно несбыточное. И я искренне полагал, что никогда мне не представится повода узнать нечто похожее в реальности. Увы, я ошибался. Впрочем, несмотря на историю с Исаковым, не покидало ощущение, что всё это вымысел, фантазия, сон. Даже заставил по старинке ущипнуть себя за щеку, чтобы, к сожалению, удостовериться в обратном...

Я продолжал смотреть телевизор. Перекусил чем было прямо в комнате. Никак не мог оторваться. Время от времени только подумывал, не позвонить ли Саше, либо кому ещё из знакомых. Но откладывал. Наверное, из-за страха услышать плохие новости.

Суждения лиц, появляющихся на экране телевизора, сводились к следующим заключениям: фантастическое происхождение травм, возникающих на местах первого их приобретения в прошлом; патологическое изменение свойств крови; неумолимый рост числа жертв новой эпидемии. Сводки подтверждали, что с каждой минутой во всём мире увеличивается количество людей, попавших под воздействие загадочного процесса, и стремительно росли случаи летального исхода среди них. Слава богу, ещё не настолько, чтобы по-

терять счёт смертям (хотелось бы верить). Становилось очевидным, что никто не был застрахован от того, что в следующую минуту сам не станет жертвой болезни. Это был не единичный всплеск заболевания. Оно продолжало развитие.

Наконец, в одной из программ показали первый готовый материал об обращении с наружным кровотечением. Это был продолжительный и наглядный ролик, в котором фельдшер «скорой» демонстрировал технику накладывания тугих повязок и жгута на открытые раны и различные места тела. С тем, чтобы правильно пережать вены, либо артерии и приостановить кровотечение. Ловкие пальцы медицинского работника застывали в стоп-кадре важных участков демонстрации. Врач обозначил наиболее распространённые точки сжатия кровеносных сосудов руками для приостановки утечки крови до наложения повязок.

Профессионализм подачи материала, тем не менее, соседствовал с неприглядным и циничным обращением с объектом приложения знаний. Как ещё говорят, это не для слабонервных. Хотя и общечеловеческая мораль была затронута не менее нервов. Всё дело в том, что в лимите времени, да и для пущей наглядности видео снимали на «живом материале». Обезличенный больной мужчина средних лет был расположен на белой простыне операционного стола. Врач медленно ставил палец внизу живота несчастного и затем вращательным движением делал нажатие. Толчками вырывавшийся, ток крови прекращался. Помимо прочего, присутствовал

некий интерактив в виде всплывающих в моменты кульминаций последовательностей обработки печатных комментариев и стрелочек на экране. Затем медик перемещал внимание оператора на повреждение другого участка тела больного и там скручивал жгут поверх кровотечения. После Исакова я не удивился такому обилию у больного поражённых участков. Другим, быть может, напротив такая информация была новой и даже полезной, если только они не пропустили её, сблевав от отвращения, во время просмотра.

Невзирая на неприязнь к крови, я внимательно просмотрел ролик до самого конца. В сложившихся обстоятельствах любопытство было совсем не праздным. Хотя фибрами душа моя негодующе трепетала от одной только мысли снова принять на руки истекающего, будто на мясобоине человека. Получив лишь первый опыт общения с израненным человеком, я был ещё слишком далёк от привыкания к зрелищу. Удивляло, как к этому вообще можно привыкнуть.

В завершении видео крайне важной для меня оказалась информация о вариантах оказания первой помощи самому себе. Я не стал тренироваться, но задрал футболку и в очередной раз оглядел своё тело. Признаков повреждений не было, что не могло не радовать.

Спустя некоторое время, почувствовав усталость в глазах, я выключил телевизор. На часах было без четверти шесть вечера. В животе что-то протяжно взвыло. Надо было бы под-

крепиться основательней, да вот куда-то подевался аппетит. Откинувшись на спинку дивана, я запрокинул голову и закрыл глаза. Вспомнил о своих родителях. Снова представил их, как и прежде, такими яркими и жизнерадостными. Таки-ми любящими меня. А ведь я так и не успел дать им своей любви, которой они, несомненно, желали. Ведь это можно искренне делать только в малом возрасте, да зрелом. Когда ещё слишком зависим от родительской руки, или когда сам уже становишься родителем. Мне же всё казалось, что впереди целая жизнь. И именно сейчас мне не до них. Ведь всего того, что по важнее – мешок на плечах. А родители вечны. До них ещё дойдёт очередь.

Мы редко замечаем и ценим то, что рядом. Казалось бы чего проще, не размениваться по мелочам и ценить искренность чувств близких тебе людей. Однако, на это никогда не остается времени. А может, я попросту был не способен выразить чувства, задремавшие с младенчества при быстром беге времени? Или не хотел? Глупец! Вот теперь все было бы по-другому. Теперь бы я не отпустил их от себя ни на минуту! Впрочем... А что бы с ними стало в это «теперь»? В эти страшные дни?...

Затем, за закрытыми глазами, мой мозг стали переполнять впечатления уходящего дня. Исаков красной рукой притягивающий меня за голову к своим губам. Брошенный мальчик рядом с больницей. Семирядинов. Красные глаза у врача из телеинтервью. Сашка. Другие знакомые и незнако-

мые лица. Калейдоскоп мыслей то и дело складывался в разные картины. Яркие и до тошноты неприятные. Будто осмысленность всякая пропала, и меня понёс за собой водоворот паники. Стделалось очень нехорошо и начало трясти нервной дрожью. Руки сцепились на груди в замок до появления боли.

Я открыл поскорее глаза и поднялся на ноги. Пошатнулся словно пьяный. Дрожь била внутри меня, и к горлу подкатил комок. Подошёл к окну. Распахнул фрамугу и выглянул наружу. В лицо ударил сонмом пик прохлады. Я опустил взгляд. У подъезда припарковалась ярко зеленая иномарка, из двери которой не торопясь появилась грива рыжих женских волос. Женщина достала из соседней двери два пакета и, эффектно покачивая бедрами, прошествовала под крыльцо. Обыденная картина. Не без эротики. Господи, о чём я думаю! – осёк я себя.

Я задержался в окне ещё на несколько минут, пока тошнота не прошла. За всё это время не увидев ничего особенного. Затем вернулся в комнату. Огляделся вокруг. За что браться? Из-за шифоньера выглядывала головка электрогитары с торчавшими с колков как усы концами струн. Любимый инструмент всегда приходил на выручку от скуки. Но для нынешнего времени, увы, не годился. Клавиатура с наклеенным на ней трилистником конопли, тоже не возбудила желания. Но к чему-то просто необходимо было приложить руки, чтобы не сходить с ума от одиночества в этот страш-

ный час.

На очередном вираже по свободным квадратным метрам перед диваном я вдруг отчётливо понял, что стоило бы сделать. Открыл свой пыльный, заваленный книгами и личным хламом, секретер и стал копаться в ворохе бумаг и вещей в поисках того, что мне было нужно. Под руку попадались давно забытые артефакты: пачка белых Marlboro с автографом музыканта Сукачева, значок парашютиста за первый прыжок, презервативы две штуки, курительная трубка! Почти каждая из вещей носила на себе явный отпечаток значимых событий в жизни, готовых воскреснуть только задержись на минуту на них. Но всё-таки требовалось совсем другое.

На удачу – не пришлось вываливать на пол содержимое всего шкафа (а только половину), и на одной из полок, наконец, обнаружился полиэтиленовый пакет с завёрнутым в него ежедневником. Сдув накопившуюся пыль с пакета, я, не спеша, почти торжественно, извлёк на свет книжицу. На её светло-коричневой обложке крупными буквами с вензелями было написано: Филиппов Андрей Викторович и чуть ниже – «Дневник».

Не ошибусь, если предположу, что большинство людей ведут свои дневники. Разного формата и объёма. Разного цвета, в конце концов. У кого-то ведение дневника напоминает эротический отчёт. Словно памятка на период импотенции. Мол, вспомни: когда-то я был ого-го! У кого-то он был псевдо-школьным дневником с динамикой личных достижений.

Не удивлюсь, если в таких и отметки самому себе выставленные найдутся. Кому-то фетишем служит рабочий ежедневник, листая который человек воскрешает из памяти физиономии лиц, приумноживших его состояние, или наоборот уничтоживших. У таких жажда мщениия не выходит наружу, а остается на всю жизнь и глохнет, как червь яблоко, душу. Бывает, дневник служит накопителем всякой глупости, имеющей сомнительное практическое значение. Например, один из моих приятелей собирал в нём разные ругательства и скабрёзности. В том числе, на разных языках мира. Вписывал их в потрёпанный блокнот со снежирём на обложке и заучивал, декламируя к месту и не к месту. Как выдаст, бывало: «Кончил мимо – гуляй смело» или: «Как ни крутись, а задница сзади» и так далее. Даже на французском и итальянском бывали афоризмы.

Свою же, некогда затерянную в глубине шкафа книжицу, я бы мог, пожалуй, отнести к мейнстриму. Как летопись всего и вся. О себе и своём, разумеется. Значимые и не очень события нашли отражение в ней посредством моего сбивчивого изложения. Порой немного нервного и истеричного. Немногочисленные секреты минувших дней.

Сев за журнальный столик, я открыл первую страницу дневника. Наверху дата – 14 января 1996 года. Начал с самого начала и зачитался. Будто скорорастущие грибы события стали заселять покинутую пустыню прошлого. Холмами повыскакивали приятности разного засола, вроде поза-

бытой любовной связи. И, напротив, просел грунт ямами, да оврагами под тяжестью вспомненных обид. Там же, в дневнике своём, нашёл упоминания о былых мечтах. Чудно', но немногое изменилось в моём мировоззрении за десяток лет. Либо я тогда уже таким разумным был, либо не развился за прошедшее время. Воспоминания о прошлом полностью завладели моими мыслями. Сея осенними листьями под ногами, присыпая их снегом прошедших лет и растапливая его потом жарким солнцем на пляжном песке. Я молодел и выросл заново.

Отметил в лишний раз, что являюсь сентиментальной личностью. Не флегматичной, как самому казалось, а скорей меланхоличной. Я начал вести дневник ещё в то время, когда родители были живы. Упоминаний о них было немного, но и этого было достаточно, чтобы вновь почувствовать на своих плечах нежные руки матери и ощутить одурманивающий табачный запах отца. По щеке скатилась одинокая слеза.

Тут же закралось сомнение, а не потому ли и отыскал нынче этот дневник, чтобы использовать его как плечо опоры? Ведь не подумал даже о чём писать. А порыв открыть его перед глазами оказался так настойчив. Но, коли он лёг на колени, надо писать. Хотя есть, наверное, дела и поважнее. Собрать медикаменты по аптекам, запастись пластырем, ватой, прочими необходимыми средствами. Но... не идут ноги из дома. Сил почти нет. Может тому виной страх.

Так с чего начать? Неожиданно пришёл ответ. Хроноло-

гия событий. Свой собственный отчёт. И, вдруг, по мере того, как я буду писать об этом, мне посчастливится нащупать нечто важное.

Прежде чем взяться за ручку, набрал телефонный номер Саши:

– Слушаю, – раздался голос друга.

– Сашка, это Филин. Как ты?

Небольшая пауза: – Филин, ... привет. С матерью плохо. Отец с соседом сейчас отвезут её в какой-то там центр. Обещали принять.

– Да ты что? – в горле ни с того, ни с сего запершило, – слушай, держись друг. Это должно закончиться.

– Филин, ты же знаешь, что это не так, чёрт бы тебя побрал! Мы с тобой видели эту убитую больницу. Чего там может закончиться?... Как раз всё и кончится. Телик включал?

– Да.

– Ну, тогда ты понял что происходит. С матерью такая же штука. Ладони все как будто асфальт укатывала. Плечо течёт. Между ног там ещё какая-то хренотень, – он громко всхлипнул, – послушай, Андрюха, плохо мне. Я тебе наберу, договорились. Сам то как?

– Нормально, пока цел. Держись, дружище. Помни я с тобой. Нужна будет помощь – сразу звони. В любое время.

Положив трубку, я застыл, не в силах пошевелиться. Вот и оно. Накатило чёрным облаком прямо над головой. Охладило и окутало мрачным туманом теплившиеся надежды. Ох,

Светлана Александровна. Тетя Света. Которая всегда была так добра ко мне. Мать лучшего друга. Ведь только сам поминал собственных родителей... Невозможно представить, что этой жизнерадостной и отзывчивой женщине приходится теперь испытывать страшные боли и её жизнь находится в опасности. В смертельной опасности. Дай бог ей справиться с этой напастью. Дай бог всем нам уцелеть.

Я открыл чистую страницу дневника и медленно с нажимом вывел:

«17 сентября. Я вернулся. Надеюсь надолго...»

Покрутил ручку меж пальцев. Как то сразу потерялся с мыслями. Но потом пошло само собой.

«Сегодня началось нечто невероятное. Может быть, это и есть «конец света»? В институте я первый раз столкнулся с проявлениями нагрянувшей катастрофы. Говорю катастрофы, потому что сейчас почувствовал – случившееся это только начало. Начало дьявольской болезни, от которой невозможно скрыться. Шаг за шагом, человек, за человеком.

Многие уже ушли умерли. И их всё больше и больше. В телевизионном репортаже врач говорила о проблемах с остановкой кровотечения. Люди истекают кровью, словно туши на крюку – до последней капли. Так и есть. Все мы называ-

ем это болезнью. Новой и неизлечимой. Началось движение мира вспять. Пишу, чтобы помнить об этом: на моих руках лежал молодой человек истекавший кровью от ран, полученных за много лет до настоящего дня. Это ли не ирония судьбы? Сколько их, этих ран, у каждого? К ним добавятся и раны души.

Человека звали Колей. Или правильней писать – зовут Колей? Если он жив, то каким образом уцелел? И как ему жить, если в теле человека не может быть столько крови. Не меньше литра вытекло. И это только на моих глазах. Даже кажется больше. Как здесь учтёшь? Не взвешивать же до и после?!

Да. Наверняка он уже умер. Кровь – основной ток нашей жизни. А живой организм создание почти совершенное. Защищённое от потери важных функций. Наверное, и школьник этому обучен. Только исключительные случаи могут привести к катастрофе. Разве не так? И среди них появился тот, который теперь стал известен всем. О чём и говорили врачи. Гемофилия».

Я отложил дневник и подошел к книжному стеллажу. Достал оттуда толстый фолиант популярной медицинской энциклопедии, изданной еще при СССР. Вернулся к столу и открыл на букву «Г». Найдя «гемофилию», я подробно изучил её описание. Затем «кровотечение», «кровь» и, спустя полчаса, вычитал всю имевшуюся в книге информацию по

интересующему вопросу. Захватив с собой энциклопедию, я вернулся к дневнику и написал:

«Выдержки из медицинской энциклопедии:

Гемофилия – наследственное заболевание, характеризующееся повышенной кровоточивостью. Связано с недостатком в плазме крови фактора, необходимого для её свёртывания.

Свёртывание – образование, при повреждении кровеносного сосуда, кровяного сгустка, препятствующего дальнейшему кровотечению.

Порезы, удаления зубов, незначительные раны у больных гемофилией сопровождаются опасными для жизни кровотечениями.

Кровотечение – излияние крови из кровеносных сосудов при нарушении целостности их стенки. Опасность кровотечения, прежде всего, заключается в том, что с уменьшением количества циркулирующей крови ухудшается деятельность сердца, нарушается снабжение кислородом жизненно важных органов – мозга, печени, почек. Это приводит к резкому нарушению обменных процессов в организме, а при тяжелой кровопотере – и к смерти больного. Тяжесть кровопотери определяется скоростью и продолжительностью излития крови. Включение защитных сил организма (сужение просвета кровоточащего сосуда, образование тромба) способствует тому, что кровотечение из мелких сосудов,

как правило, останавливается самостоятельно. Кровотечение из крупных кровеносных сосудов, особенно артериальных, может привести к смертельной кровопотере через несколько минут. Поэтому всякое кровотечение должно быть остановлено (!).

При наружном кровотечении различают временную и постоянную (окончательную) остановку кровотечения. К способам временной остановки наружного кровотечения относятся: наложение давящей повязки, пальцевое прижатие артерии, наложение кровоостанавливающего жгута, форсированное сгибание конечности. Наложённый жгут может оставаться на конечности не более двух часов (а зимой вне помещения – час или полтора), так как при длительном сдавлении может наступить омертвление конечности ниже жгута.

Окончательная остановка наружного кровотечения, при которой требуется применение особых мер его прекращения, осуществляется хирургом, к которому необходимо немедленно доставить пострадавшего (!).

Кровь – жидкая ткань организма, непрерывно движущаяся по сосудам, проникающая во все органы и ткани и как бы связывающая их. Кровь участвует в поддержании постоянства внутренней среды организма (осмотического давления, количества воды, минеральных солей), постоянной температуры тела. Количество крови в норме составляет в среднем у мужчин 5200 мл, у женщин 3900 мл.»

Это основное. В этих формулировках как в статье закона, как в Евангелие, всё содержится внутри. По сути своей сведения исчерпывающие. Очевидно, что если дело обстояло действительно так – люди столкнулись с проблемой остановки кровотечения – то борьба выглядела, чуть ли не безнадежной. Все пострадавшие могли утешить себя лишь возможностью оттянуть конец на время. Гемофилия необратима. Если диагностировано верно – больного следует заклеить по периметру как худой водный матрас и поместить в капсулу! И то без гарантий.

Однако почему всё-таки именно Исаков, а не Саша или я?

Позже я снова включил телевизор, обнаружив, что на многих каналах дикторы поменялись. Уж не потому ли, что в детстве прыгали по стёклам?

Я достал из трюмо домашнюю аптечку и принялся изучать её содержимое. Большая часть осталась со времён жизни родителей, и я не был уверен в том, что эти лекарства еще годились для употребления. В основном там были средства от кашля и насморка. Только сейчас я про себя подметил, что крайне редко болел, и уж давным-давно у меня не было каких-либо серьёзных травм. Это определённо порадовало. Впрочем, судя по происходящему, десяток бытовых ссадин могут запросто свести в могилу и сверх здорового человека. Стоит только обратить внимание на собственные ладони, сколько их там? Этих еле приметных чёрточек порезов кухонным ножом, отвёрткой, бумагой, да ещё бог весть чем. А

за год жизни, а за два? Никому не под силу подсчитать итог нерадивости к дарованному телу.

Рассортировав медикаменты по группам, я выложил на кровать самое необходимое теперь: пару свёртков с ватой, два стерильных бинта, один эластичный бинт (изрядно потрёпанный), какую-то резиновую трубку и маленький флакончик с подсохшей по краям зелёнкой. К этому я добавил несколько лоскутков материи, с хрустом разодрал старые рубашки и майки. Отошел на метр от кровати и окинул сгруппированное хозяйство взглядом. Выглядело неплохо, но всё-таки не настолько хорошо, чтобы меня это успокоило.

Тем временем, появившийся на экране Президент страны призывал сплотиться перед лицом нагрянувшей опасности и оказать посильную помощь согражданам. Надо отметить, что это было неожиданно скорое появление первого лица государства на экране. И показательно, что им публично признана опасность для общества от всего происходящего.

Внешне глава государства был в полном порядке. На зависть умиравшим в больницах, его вены даже с чрезмерным давлением вздувались на висках, а щёки отливали здоровым румянцем. Президент отстукивал по столу напряжённой ладонью, демонстрируя стране натянутые сухожилия, и не отводил взгляда от объектива камеры. Он внушал оптимизм. Даже, я бы сказал, навязывал его зрителю. Впрочем, и не вполне убедительно произносил уже ставшие коронными слова: «Ситуация держится под контролем» и «Оснований

для паники нет». Никаких. Ещё бы. Действительно, откуда им взяться то?

Как бы между делом, Президентом было объявлено о введении чрезвычайного положения на всей территории России. В продолжении министр внутренних дел пояснил, что в связи с особым положением аэропорты и железные дороги «частично» приостановили свою работу в целях обеспечения государственных нужд по «предупреждению последствий» чего-то там. Мобилизационный резерв поступил в распоряжение председателя правительства страны. Президент взял личный контроль за развитием ситуации. Путешествие граждан на общественных видах коммуникаций введено в режим предварительной записи (как хочешь, так и понимай). В вечернее и ночное время введён запрет на передвижение личного автомобильного транспорта без исключительной на то необходимости. К таковой необходимости к счастью была отнесена доставка пострадавших до стен лечебных организаций страны. Без правоприменительной практики в нашей стране номинированное «право» по сути является не применяемым. Посему озвученные с экрана тезисы меня очень насторожили. Впрочем...

В зданиях муниципальных управ и сельсоветов были организованы экстренные пункты по оказанию оперативной помощи больным. Приветствовалось появление добровольцев на таких участках, о чем в управах должна была быть сделана особая отметка в домовых журналах (наверное, кварт-

плату снизят – я иронизировал). Президент проинформировал также население о назначенной на завтрашний полдень в Берлине встречи глав европейских государств для решения вопроса о консолидации усилий в борьбе с катастрофой.

После его выступления и цитирования статей режима чрезвычайного положения, повторили ролик о способах оказания первой помощи пострадавшим.

После нескольких минут рекламы (а она хоть и в урезанном объёме, но присутствовала) начался показ заседания ученых, политиков и прочих публичных людей страны. В ходе него создалось такое впечатление, что собравшиеся намереваются попросту заколдовать новую болезнь. Настолько яркими и, одновременно, пустыми были их речи. Никаких практических комментариев. Никаких выводов. Сто процентный дефицит этого. Зато буря эмоций, самолюбование, даже взаимные обвинения. Ко всему этому наш зритель уже давно привык. К несчастью, и я в их числе, который оказался у экрана, созерцая упомянутое заседание.

Время было за полночь. Помывшись, я долго стоял голышом перед зеркалом, разглядывая тело. Как это ни было сложно, я старался припомнить любую свою незначительную рану, начиная с самого раннего детства. Когда мне это удавалось, я ставил чёрным маркером крестик на месте её зажившего следа. Включая пупок, и не считая кистей рук и, разумеется, зубов, у меня получилось восемнадцать крестиков. Не так уж и плохо, подумал я. Успокоившись на том, я

пошёл к кровати.

Взяв с собой в постель старый мамин серебряный крестик в качестве оберега, я поджал колени и свернулся клубком у стены. А потом заплакал от одиночества.

3.

Смерть приходит в дом. Обсуждения и первые выводы.

Проснулся я, когда солнце уже стояло в зените, и яркий свет назойливо бил в глаза.

Сладко потянувшись в кровати, я медленно перекатился на бок и с удивлением уставился на лекарства, сложенные на столе. Затем взглянул на будильник, который безжалостно свидетельствовал о том, что занятия в институте пропущены. В тот же миг вернувшаяся память всё расставила по местам.

Я скинул одеяло и пристально осмотрел тело. Цел, господи благослови! За это не грех было бы выпить даже спросонья.

Наспех одевшись, я подскочил к окну. Тёплый ветерок потеревил прядь волос на лбу. Я забрал их пятерней на затылок и облокотился на подоконник. С высоты моего седьмого этажа открывался вид на уныло пустующие улицы города, блестящие в зелени налившихся солнцем листьев деревьев. Редкие прохожие шагали по дороге, и только где-то вдале-

ке виделось небольшое скопление людей. По непривычно опустевшей улице время от времени проезжали легковые автомобили и армейские грузовики, с наглухо закрытыми брезентом кузовами.

Я пошёл к телефону и набрал Сашкин номер:

– Алло, – ответил незнакомый мужской голос.

– Будьте добры Сашу.

– А кто его спрашивает?

– Это его друг, Филиппов Андрей.

– Подождите минутку, – на другом конце провода послышалось шуршание и глухой звук голосов. Затем мужчина снова ответил: – Подождите на трубке, он сейчас подойдёт.

Боясь что-либо вообразить себе, я стиснул телефонную трубку и замер в ожидании.

– Филин, привет, – наконец раздался хриплый голос друга.

– Саня, ты живой! Как ты? Слушай, я проспал всё на свете. У тебя всё нормально? Как тётя Света?

– Андрюха, мамы больше нет, – он заикался и после паузы продолжил. – Я и плакать то уже не могу. Всё как во сне происходит. Самом поганом сне, Филин.

Моя рука ослабла, и в горло будто вогнали бутылочное горлышко. Так всё сжалось внутри. На силу я выдавил: – Могу к тебе приехать?

– Да... Приезжай. Мы тут вдвоём с дядей Женей,... – он передумал продолжать, – приезжай. Я жду.

Не помню, как я положил трубку и оказался на кухне. Сидя на табурете с горбушкой хлеба в руке я разревелся как девчонка. Слёзы неумолимым потоком заструились по моему лицу. Я уронил голову на руки и от отчаянья сотрясался в рыданиях. Я был один, и мне незачем было сдерживать неумолимый поток горечи отчаянья. От нас уходят родные и близкие, когда, кажется, уж они-то заслужили себе жизнь среди нас вечную. Не они должны умирать. Кто угодно, но только не они.

Слезы принесли облегчение. Как будто вместе с ними с глаз сползла пелена тревоги и внутреннего мандража последних часов. Настало время действовать.

Перед тем как выйти из квартиры я, на всякий случай, сунул в карман штанов бинт и пластырь. Дорога до дома друга была неблизкая, и ввиду вероятного отсутствия какого-либо наземного транспорта, пришлось тащиться к метро пешком.

Жилые районы Москвы это прямоугольники и трапеции кварталов многоэтажных домов, именуемых иногда микрорайонами. Не сказать чтобы похожие друг на друга, но состоящие на большую часть из комбинаций серийных пяти, девяти, двенадцати, шестнадцати, семнадцати этажных домов. Существует целый ряд нетиповых серий, но для окраин города (спальных районов) это скорее редкость. В каждом из микрорайонов свои школа и детский сад (не менее чем по одному). Магазины. Сфера энных услуг. При заселении районов ещё те новоселы сажали липу, черёмуху, тополь, берёзу

и так далее. Надзор за домами ведётся на авось. По вечерам у крыльца подъезда то и дело шмыгнет по своему делу крыса. И год от года кажется, что они становятся все жирнее и наглее.

Я проживал в типичном для столицы районе юго-западного округа Теплый стан. В двенадцатиэтажной панельке 1972 года постройки. Уютные зелёные дворы, детские площадки с мухоморами зонтиками. Гаражи-ракушки. Всё настолько родное, что с завязанными глазами прошёл бы и не сбился с придомовых дорог. Оно и сейчас вроде также, только...

Первое, что поражало больше всего – это почти полное отсутствие людей на улице для этого времени суток. В пределах видимости у дороги я заметил с десяток человек, что обычно случалось ночью, да и то в скверную погоду. Люди, встречающиеся на пути, в большинстве случаев вглядывались мне в лицо. Не пряча глаз, не минуя безразличием прошедшего по тебе взгляда, а именно с интересом изучая друг друга. Днём ранее, это выглядело бы, по крайней мере, настораживающим. Сам, заразившись такой манерой, и забыв про вежливость, я тоже стал пытливно рассматривать каждого встречного. Не сильно, однако преуспел в анализе при этом. Двоих отметил как явно больных новой формой заболевания. Остальные, пожалуй, выглядели, как и прежде, статистическими людьми. Только без радости жизни. Все.

Пройдя с полкилометра по главной улице района, я отме-

тил, что все торговые киоски были закрыты. Однако из дверей местного универмага на перекрестке вышли люди. С пакетами в руках. Я ступил на пустующую магистраль и, перейдя её, направился на экскурсию.

У угла здания магазина расположился милицейский патруль из четырёх человек. Молодой капитан, не выпуская сигареты изо рта, с суровым видом внушал что-то младшим по званию. Подчинённые внимательно слушали его, переминаясь с ноги на ногу. Когда я подошел ближе, коротконогий толстый сержант окинул меня взглядом и тут же отвернулся. Я замедлил шаг. Появилось мимолетное желание задать какой-нибудь самый незначительный вопрос. Сержант тут же снова повернул вросшую в плечи голову, и насупил брови. Желание моё сразу растаяло, так и не сформировавшись.

Я подошёл ко входу в магазин, отметив, что и на другой стороне улицы расположился военный патруль из трёх человек, возглавляемый долговязым парнем в униформе.

Внутри магазина, на прилавках, наблюдался прежний ассортимент продуктов. Во всяком случае, мне так показалось. Людей внутри было немного. Я взял газировку и пошёл к кассам. Уже находясь в трех шагах от обклеенного ярлыками жвачек кассового аппарата, на моем пути встала молодая девчонка с распущенными волосами. Она смущённо улыбнулась и молча сунула в руки листок бумаги. От неожиданности я рассмеялся: – Брачный контракт?

– Нет, это не он, – без тени улыбки ответила она.

Я просмотрел на стандартный лист А4. Передо мной оказался вопросник, в котором были обозначены шесть пунктов и пустые поля для ответа напротив. Все чётко, с выдержанными интервалами в строках. Документ был исполнен по всем правилам делопроизводства. Из симпатии к девушке и чувства уважения к проявлениям общественной деятельности в такое время, я прислонился к стене и взялся собственноручно заполнять анкету.

Место рождения и возраст (полных лет): *Москва, 22 года*

Род занятий, место работы/учёбы: *студент четвёртого курса Московского авиационного института*

Семейное положение, количество проживающих совместно: *холост, живу один (сирота)*

Имелись ли в вашей семье наследственные заболевания, генетические особенности рода: (я задумался на минуту) *аллергия, больше не помню, не знаю*

Попадали ли вы в автомобильные аварии, имелись ли основательные травмы и повреждения тела: *нет*

Далее шел не вполне корректный, но, пожалуй, самый важный шестой вопрос:

Были ли среди ваших ближайших родственников пострадавшие за последние сутки (исход): *нет*

В конце вопросника я проставил время заполнения и сегодняшнее число: *13:40, 18 сентября.*

Отдав листок, я расплатился за воду и, заметив ещё двух милиционеров позади кассовых аппаратов, вышел наружу. Стояла прекрасная солнечная погода. Настоящее бабье лето в середине сентября. Такие чудные деньки.

Невольно я отметил, что ещё не встретил на улице ни одного человека преклонных лет. Лишь однажды мимо меня протопал мужчина лет шестидесяти. Причем настолько бодро, что, берусь судить, он то себя к пожилым явно не отнёс бы. Да и действительно – все относительно весьма и весьма. Но как же, чёрт побери, Сашка вчера угадал такой поворот событий?! Теперь то и я уж уверовал в математику этого естественного отбора в противоестественном событии в целом. Хотя людская склонность к ошибке до появления неопровержимых доказательств оставляет всегда место вероятности. Но всё же определенные тенденции уже на лицо. Отрицать этого было нельзя.

Впереди проскочили трое людей, несущих на руках человека в окровавленной простыне, и сели в машину. Еще дальше по улице я заметил людей столпившихся над телом мёртвой женщины и рыдающего на коленях мужчину подле неё. Бедняга целовал её руки, размазывая кровь по лицу и умолял не оставлять его одного. «Не спешите вы, – пробормотал я под нос. – Боюсь, повидаетесь с ней вновь еще скорее, чем рассчитываете».

Уже минуя их, я обернулся на звук мотора и увидел, как из кабины подъехавшего грузовика вышли двое военных и

погрузили в фургон тело женщины, насили утомив обезумевшего мужа. Катафалки. Вот это что. В оперативности не откажешь. Следим за чистотой улиц или собираем трупы в целях общественной безопасности?

Я остановился поглядеть, чем кончится процесс. Крепкие парни занесли тело под брезент кузова. Но рвущегося за ним мужчину легко оттеснили в сторону и закрыли полог. Затем проследовали в кабину, не взяв его с собой и туда. Я не приметил никаких бумаг в их руках. Всё чётко. Без слов. В глазах собирателей даже какая-то злость и решимость к применению силы. Если что. Но этого «если что» и не последовало. Свои же удержали скорбящего, но не сильно сопротивлявшегося такому повороту дела мужчину. Фургон тронулся с места и исчез за поворотом. Куда отправились? Удивила скорее покорность близких увезённой женщины, нежели безапелляционная работа военных и отсутствие оформления. Как однако ж быстро к такому обороту мы все приблизились. Действительно, всё под контролем.

«Итак, – размышлял я на ходу, – чем отметилась минувшая ночь? Сколькими смертями? Каков процент их к оставшимся в живых?» Практичный взгляд на жизнь разбудил во мне тягу к статистике. Сухой, лишённой эмоций, статистике, годящейся для страниц моего дневника. Имели ли место события, определяющие поведение таких счастливиц как я? Простых, по сути, обывателей. Очевидно, что источник информации здесь же – на улице. Доверять телевидению

я, как и большинство сограждан, так и не научился. Это в России уже традиция. И с глубокими ветвистыми корнями. Поэтому, только привычный дедуктивный метод познания и остается.

Тем временем, я дошёл до ближайшей станции метрополитена. Рядом с её входом находилось значительно большее количество людей, чем ранее отмеченных мной. Стояли по одному и в группах. Кто-то надрывал глотку в алкогольном забытии, кто-то рыдал компаниями, поминая усопших. На столбике, поддерживающем литеру «М», трепетала заботливой рукой повязанная чёрная лента. Нос пощекотала витающая смесь запаха спиртных испарений и табака. Под ногами валялись пустые бутылки.

Пьяный парень, только что открывший об угол ларька бутылку пива, молча протянул её мне. Я отказался. Задев меня плечом, он подошёл к витрине магазина и помочился на неё. Тут же рядом расположился патруль охраны порядка, смешанный из сотрудников милиции и военных. Всего семь человек. Они пока просто наблюдали. Но трезвым напряжённым взглядом, держа в поле зрения все перемещения людей. Похоже, эти тоже только пока изучали ситуацию, как и я. Примечали тенденции. Чтобы лучше контролировать. Пока ещё довольно либерально. А потом? Уже скоро, подумалось мне, их поведение может измениться. И не в сторону гуманизма. Всё под контролем.

Выяснив, что метрополитен работал, я быстро сбежал

вниз. Вход остался платным. На платформе сотня людей ожидала прибытия поезда. Оказалось, интервалы в движении составов сильно увеличились. Я прислонился к колонне и вместе со всеми стал ждать.

– Оставьте меня в покое, кретины! – обернувшись на крик, я заметил, как двое людей в камуфляжной форме, протискиваясь сквозь толпу, тащат на руках женщину с выделывшимся на груди кофты кровоподтёком.

– Я должна уехать, ... к подруге. Да в чём дело? – она визжала, плюясь красной слюной.

– Объясните, что происходит, – из всех собравшихся встрял лишь один мужчина. – Почему вы забираете её?

Солдат повернул в сторону мужчины измученное лицо: – Отойдите ради Христа, или я за себя не ручаюсь. – Выдержав паузу и обращаясь уже ко всем, он сквозь зубы добавил: – У нас приказ.

На миг заткнувшаяся женщина в их руках, снова стала брыкаться, но мне показалось, что как-то уже обречённо. Вступившийся мужчина пожал плечами. Лишь после того, как патруль поднялся наверх, им вдогонку раздались робкие возгласы возмущения.

Я стал невольным свидетелем разговора стоявшей рядом пары. Они возбужденно обсуждали имевший только что место «вопиющий случай нарушения свободы и конституционных прав». Похоже, эти оптимисты всерьёз рассматривали возможность обращения в суд для оспаривания преступных

приказов военных. Вместе с тем, из их уст я услышал о том, что это, увы, не единичный случай. Мужчина свидетельствовал своей подруге, что уже видел, как сегодня на улице в армейский грузовик забрали пожилого человека с кровотокающими ранами.

Переваживая собственный опыт увиденного ранее, я подумал: «Что ж, люди судачат о странностях в поведении правоохранительных органов. Совсем не единичных, а напротив, системных и описанных в каких-то, не известных нам, приказах. Значит за этими, казалось бы, нелепыми действиями военных скрывается некая программа государства? Программа обширная и, наверняка, применяемая повсеместно. Не только в столице. Из чего следует, что моя собственная стратегия жизни может базироваться лишь на знании такой вот программы. Да где ж я её возьму? А ведь прошло так мало времени... Значит дело действительно дрянь. Всё только начинается».

Гудок привычно предвестил появление из тоннеля поезда. Тот остановился. Судорогой встряхнул себя и раскрыл двери. Подумав о машинисте, без бинтов ли он, я зашёл с толпой внутрь...

Подходя к Сашкиной квартире, посмотрел на часы – 15:52.

Я позвонил в дверь и, спустя минуту, друг открыл её. В дверях, я обнял его, и Сашка, прижавшись к моему плечу, за-

плакал. За прошедшие с последней нашей встречи сутки, он сильно сдал. Синяки под глазами, бледное щетинистое лицо, дрожащие руки. В одетой наизнанку футболке он дрожал и был похож на забытого ребёнка. Страшно и больно было на это смотреть.

Мы простояли несколько минут там же, в дверях. Из квартиры не доносилось ни звука. Оттого плач Саши, перешедший в всхлипывания на плече, достигал непосредственно моей души. Наконец, я почувствовал, что он освободился, и тогда повёл его в комнату. Посередине стоял заваленный книгами стол. На краю его, с корешка фолианта «Анатомии человека» приготовилась к нырку на пол сковорода с остатками яичницы. На ковре валялись газеты. Я обратил внимание, что одна из них была раскрыта на разделах объявлений бытовых услуг. Работал телевизор без звука. Саша махнул в сторону дивана. Я, не церемонясь, сел на скомканное постельное бельё.

– Дядя уехал?

– Да. У него своя семья, – мой друг вытряхнул из пачки сигарету. Она упала на пол и закатилась под диван. Сашка запустил пачкой по серванту.

– Слушай, дружище, ты хоть ел? Давай чего-нибудь сварганю по-быстрому? – я привстал, собираясь пойти на кухню.

– Сиди ты... Посидим немного, потом поедем. Куда спешить? Не куда уже... Видишь как всё, – он наклонился к моему лицу, пристально всматриваясь красными воспалёнными

ми глазами, – всё остановилось, брат. И время и дела. Всему конец. Сидишь и ждёшь своего часа. И он пробьёт, Филин, – Сашка откинулся обратно на спинку стула.

– Слушай, я понимаю...

– Понимаешь? – мой друг неожиданно выпрямился, – понимаешь, говоришь? Ты наверно умнее всех тогда! Понимает он.

– Я не о том, ты неправильно...

– Да чёрта лысого кто чего понимает! – Саша вскочил, и стул с грохотом упал на пол. – За один день половина населения всей... ВСЕЙ планеты подыхает! Каково, а?! – он вскинул руку вверх, запрещая мне отвечать. – Филин,... ну о каком понятии нам говорить? Всё встало с ног на голову... Я теперь один остался. Ты же знаешь,... как это бывает, – он опустил глаза, – Андрюха, мне жить не хочется.

Его голос вновь задрожал. И, уткнувшись в ладони лицом, Саша затряс плечами. Я не знал что делать. Смотрел на него, разрываясь от соболезнования горю. Пожалуй, когда я шёл сюда, то не был готов к такому. Представлял, конечно, что будет не просто. Но оказаться один на один... Я не нажил ещё достаточно опыта для таких ситуаций в своей короткой жизни.

Просто заставил себя встать и подойти к нему. Аккуратно положил руки на плечи: – Прости, что так говорю, но хочешь ты того или нет, ты должен продолжать жить. Ты обязательно поймешь для чего. Но сейчас сделай это хоть ради меня. Ведь

ты сам у меня один остался.

Мой друг рассказал, что после того, как его отец отвёз маму в больницу, он остался дома один. Отец был категорически против, чтобы Саша ехал с ними. И тот признался, что даже испытал облегчение от этого. Испугался.

Прошло более трёх часов, как среди ночи раздался звонок. Сашин папа сообщил, что мамы больше нет. Плакал. Но, как Саше показалось, то скорее был стон, а не плач. Отец велел оставаться дома на телефоне. Сказал, что сам задерживается в больнице на какое-то время, чтобы уладить все дела. Предупредил, что приедет его брат – дядя Женя. Незадолго до моего звонка дядя действительно появился у Саши. С дурной вестью. Оказалось отцу стало плохо ещё по пути в больницу. Мой друг подтвердил, что уже тогда его сердце сковало льдом неизбежного предчувствия. Он же видел, как ЭТО происходит. Вместе с дядей они стали ждать сведений из лечебницы. Продолжали надеяться на чудо. Несмотря на тяжелейшие условия для работы больницы, с его отцом все-таки постоянно кто-то находился рядом, оказывая посильную помощь. Но, о чём они узнали позднее, сложный характер его травм и общая ослабленность организма оставляли лишь призрачные шансы на удачный исход. Чуть позже полудня, Сашкин отец скончался.

Сказать, что мой друг был подавлен, значит не сказать ничего. Рухнувшая за считанные часы жизнь. Он жил сам, но

никак не мог понять где. Во сне или наяву? Двигался, но боялся сделать лишний шаг, от которого вернётся чуть затихшая боль. Мне самому не понаслышке было знакомо это состояние.

– Где у тебя лекарства? – я спросил, не особо надеясь на прямой ответ. Но Саша молча ткнул пальцем на ящик в гарнитуре, а сам перебрался на диван.

Порывшись в аптечке, я нашел тазепам. Достал две таблетки и заставил его запить их водой. После чего отправил в другую комнату на кровать.

– Ты должен бороться за жизнь сейчас, потому что это в первую очередь твой долг перед родителями. Поверь мне, они хотят этого, пускай их уже и нет рядом.... Они всё равно всегда будут с тобой. Это не банальщина. Просто слушай сейчас. Потом поймешь. Ты сможешь почувствовать их присутствие. До удивительного это порой реально, – я сел рядом на край кровати, на которой мой друг вытянул ноги. – Мне казалось порой, что мамина рука гладит мои волосы. Натуральным образом, проводит по ним. Это... не только вера. Они действительно рядом. Мне кажется, как в нарезанном слоями мире живут невидимыми для нас. Но протянешь руку – и вдруг поймаешь что-то ладонью. Я конечно не оригинален в представлении этих образов, – усмехнулся сам себе, – но оттого не стану их отрицать. Куда проще согласиться, что так и есть... Саня, я прошёл через всё это уже давно. Признаюсь, боялся тишины ночи, потому что совсем не

просто укрыться тогда от льющегося по венам одиночества. Совсем не просто. И выход зачастую видится один – самоубийство. Такое легкое на первый взгляд решение. Однажды даже влез на подоконник. Думал, всё! Сам знаешь, мысль, становящаяся навязчивой, сама собой не уходит. Но глянул вниз и струхнул. Ноги то снаружи, и тело туда уже клонит. Тут вцепился в раму со всей силы. Влез назад, еле отдышался. Господи, как же рад, что ты меня уберег. И, знаешь что? Внутри квартиры завалился с ощущением, что будто руки меня туда толкают. Тогда поверил уж окончательно в присутствие родителей рядом. Такие дела, друг... Теперь тебе испытание. Но я искренне надеюсь, что нам повезёт. Ради них, наших родителей, может быть. Потому я сам не сдамся этим грёбанным обстоятельствам. И тебе не дам. Клянусь, мы будем бороться за жизнь вместе. Всегда. Мы должны сохранить жизни в благодарность родным за всё сделанное ради нас. Они нас породили в этот мир. Они с нами пожертвовали молодостью. Чтоб мы жили. Так как мы можем их теперь предать? Понимаешь? Все ради любви к ним, к себе.

Я поднялся на ноги: – Ты поспи, брат. Отдохни, а я всё время буду рядом. Только позови, слышишь. И я сделаю всё, что ты хочешь. А завтра, ... будет завтра.

Мой друг лежал лицом к стене. И только по его мокрому сопению и вздрагиваниям плеч я понимал, что он меня слышит. Он понимает.

Мне показалось, что Саше стало легче. Не так быстро от-

ляжет от сердца, конечно. Но шаг за шагом. Слово за словом. Вместе мы справимся.

Вернувшись в большую комнату, за дверью я нашел початую бутылку водки. Полез в сервант за рюмкой и уставился на своё отражение в зеркале. Уши расплывались лопухами по салатницам. Нос краснел уродливым отростком. Рот сквозь призму хрусталя сверкал звериным оскалом. Кто мы? Живые, или уже только отражение жизни?... Я всё хорошо сказал ему. Мог признаться себе, что был доволен. И я верил, что так оно и есть на самом деле. Вот буду пить здесь, а на диване тетя Света с Сашкиным отцом сидят рядом. Брр! Даже жутковато стало.

Закрыв шкаф, я сорвал пробку на бутылке и присосался к горлышку. Проглотил и вздрогнул от неприязни: – Ну и дрянь же! – Затем повторил трюк. И ещё раз уже на диване. Сквозь прежний туман в голове забрезжил свет. Невыносимая тоска отступала. И, как водится при этом, мысли обрели лёгкость и этакую невесомость в голове, начав беспорядочное движение и толкая друг дружку. Я поднёс к глазам бутылку. О борт сосуда плеснулась водка. Жаль, пены нет, подумал я и опрокинул остатки стихии в глотку. Фрррр! Мотнул головой: – Дрянь! Какая ж она дрянь. – Я бросил бутылку в угол. Раздался грохот, но было всё равно. Голова поймала диванную подушку, и свет погас...

Проснулся я часа два спустя. Просто открыл глаза и с лег-

костью привел туловище в вертикальное положение. Голова не болела. Только уши чуть заложило. Зато ныла рука. Уснул я, подмяв её под себя. Оттого та затекла до невозможности. Потому, похоже, и проснулся. Пока кровь расходилась по распрямившимся мышцам, я массировал руку и бродил по комнате. Состояние удивительное. Не трезвый еще, но уже и не пьян.

Сходил умылся. Проведал Сашку. Тот спал. Дышал спокойно. Одежда не мокрая. Крови, слава богу, нет. Я вернулся в гостиную, включил телевизор и откинулся на диване.

20-18. Прайм-тайм. Телевидение продолжало жить. Жить, показалось, для того, чтобы каждый из нас знал, что ежеминутно за дверьми дома умирают люди, и ты можешь стать следующим.

Развлекательным программам и художественным фильмам больше не было места. Наверняка, они исчезли навсегда из жизни телевиденья. Даже не верилось, что ещё каких-то два дня назад люди могли получать радость от результата футбольного матча, наслаждаться оперой или вождельть с экрана массивные груди новой телезвезды. Теперь осталась лишь одна тема для разговоров: почему, когда, чем и насколько этого хватит. Последовательность можно менять. Как известно, от перемены мест слагаемых, все одно – сумма не меняется.

Гипертрофированные выпуски новостей основных каналов представляли собой слабо режиссируемый поток прав-

ды с регулярным возвратом к реперной точке: без паники, всё под контролем, все будет хо-ро-шо. Знакомые публичные лица встречались ещё реже прежнего. Возникли новые персоны. Респонденты с неизвестными фамилиями. Прежние уходили туда, откуда, похоже, не возвращаются,

Исчезли официальные заявления первых лиц государства. Только комментарии ведущих, без указания источников информации. Преимущественно: «Как нам стало известно, Президент ... бла-бла-бла ...» или «По нашим сведениям из достоверного источника, министр обороны ... бла-бла-бла ...» и всё в таком же духе.

Россиян успокаивали тем, что «глобальные изменения в мире заставили объединиться все государства и национальные образования в борьбе с трагедией». Со слов журналистов главы государств обсудили и продолжают обсуждать по каналам связи решения о «введении срочных мер по организации защиты населения от воздействия эпидемии». Скандинавские страны провели телемост. При этом упоминании показали лишь короля Норвегии в своём кабинете. Что во-все не отбило у меня желания посмотреть собственно и сам телемост. Решения скандинавов могли бы быть полезными. Но, так отнюдь не считал продюсер новостей.

Было упомянуто, что для разрешения ситуации «будут использованы все финансовые и стратегические ресурсы стран мира; консолидирован весь научно-технический потенциал и применены все самые последние разработки, в том числе с

грифом ограниченного пользования; привлечены и объединены усилия всех специалистов в этой области». Впрочем, я в этом и не сомневался. ТАМ всё будет. Интересно было узнать, как обстояли дела в России.

Наконец, несколько слов прозвучало о государственной политике нашей страны, проводимой исполнительной властью. Введены особые условия правопорядка в стране (документ не оглашён). Вырабатывались комплексные меры по предотвращению развития эпидемии (меры не указаны). И ещё ряд расхожих клише.

По мне всё это было чепухой. И не только потому, что я не верил начинаниям наших благодетелей (это уже с молоком матери приходит, наследие поколений). Просто социальная машина и в здоровой обстановке была не на ходу. Куда ж её сейчас то насиловать? Да еще на сухую.

Характер нового заболевания был где-то далеко от вирусологии. И оградить живых от заболевания, нацепив каждому противогаз на голову, очевидно, было невозможно. Принимая во внимание масштабы России, следовало бы подумать о централизации здоровых людей. Ресурсы жизнеобеспечения напрямую зависят от рабочих рук. Крупные города должны позиционировать себя как объединяющие центры. Об этом нужно сказать и создать людям условия для переезда. Такие мысли мне приходили в голову и казались верными.

Независимые от правительства телеканалы более подроб-

но освещали детали происходящего. Оглашались результаты уже проведённых исследований. Приводились выступления и интервью с компетентными специалистами, начавшими работу над проблемой чуть ли не с первых минут её возникновения. Безусловно, и я это понимал, скорые выводы – лишь пристрелка по мишени, но тем не менее.

Тем не менее, квинтэссенция базовых тематик выглядела следующим образом:

В крови всех (!) живущих на Земле людей произошли необратимые изменения, связанные с утратой кровью таких основных её функций, как свёртываемость. Происходит это вследствие исчезновения из крови, так называемых, факторов, благодаря которым в ней образуются тромбы, препятствующие вытеканию из кровеносных сосудов жидкости. Речь идет не только об уже пострадавших от болезни, но (несколько раз повторялось) обо всех! Данные получены со всего мира. Это первое, что стали исследовать медики, и вот какой страшный результат получили. Тем не менее, (напоминают) исследования проводились непродолжительное время и носят лишь предварительный характер, поэтому возможно, что существуют и исключения. Пока о них нет данных, но если такие исключения будут обнаружены, это, безусловно, станет отправной точкой для серьёзной работы по получению эффективной вакцины для борьбы с болезнью.

Человечество имеет дело с феноменом «вспоминания»

живым организмом подавляющего большинства изменений, имевших место на протяжении жизни и связанных с нарушением целостности кровеносных сосудов. При этом обязательно проявляются все изменения, происходившие вследствие насильственного вмешательства в жизнь организма (а именно травмы). Во многих случаях, но не во всех (!) «вспоминаются» и мгновенно возобновляются процессы, связанные с кровотечением в процессе (например) роста организма и естественных процессов (самое распространенное – менструация). Редки (но есть) случаи возобновления внутренних явных и внутритканевых кровотечений. На первый взгляд, разное время проявления у людей этого феномена связано с генетическими особенностями. В настоящее время генетики не готовы комментировать такие явления, упоминая лишь о последствиях мутационных процессов в организме, произошедших за последние годы. Но очень скоро должны быть готовы заключения, которые будут незамедлительно обнародованы.

Велика вероятность, что по истечении пары дней на Земле не останется ни одного человека пенсионного возраста, если, конечно, неведомый процесс изменений защитных функций организма не повернёт вспять. Статистика показывает, что на сегодня самый малый процент среди пострадавших – люди до тридцати лет. Однако ежеминутно возникают случаи поражения тела, в том числе, и среди этой категории.

Произошли повсеместные изменения в структуре плазмы

крови всех животных организмов на Земле. Оказывается, не только люди столкнулись с новой проблемой. По полученным данным, почти все представители животного мира умирают сегодня подобно людям вследствие кровопотери из оторванных сосудов, осложнённой изменением свойств крови. В расчет не брали насекомых, некоторых водоплавающих и пресмыкающихся. Рассматривается возможность исследования животных, не затронутых воздействием нового феномена.

Я задумался над тем, скольких кошек и собак мне повезло встретить сегодня на улице. Ничего не получилось (я никогда не обращал на них внимания, покада какая-нибудь сямка не облает меня) и пришлось согласиться, что их, пожалуй, стало меньше.

В сложившейся ситуации привычное хирургическое вмешательство в клинических условиях, как правило, не приносит результата по ряду объективных причин. В случаях единичных повреждений у одного человека, за время операции можно восстановить целостность повреждённого кровеносного сосуда. Однако, кровопотеря в течение проводимой операции (длящейся зачастую не один час) очень велика, что крайне опасно для жизни. Такие операции могут проводиться лишь в исключительных случаях. И сейчас нельзя говорить об их повсеместном применении. Медицинским работникам не выпал лотерейный билет, поэтому в их среде, как и везде, велик процент смертности.

Практически на каждый квадратный метр площади медучреждений приходится по пять больных, требующих постоянного ухода. Персонала и средств не хватает. Мы оказались не готовы к такому повороту событий. «Дефолт», «импотенция» – это всё о наших возможностях эффективно противостоять эпидемии. При этом смельчаки допускают, что политики и приближённые к ним влиятельные люди имеют более выигрышные условия для продления своих дней на Земле. Одним из символов названа Центральная клиническая больница (ЦКБ) в Москве, оцепленная военными. Туда, со слов журналиста, «прорваться можно только на танке с ядерной боеголовкой на борту».

(Если обобщенно) Смерть у пострадавших от новой напасти наступает вследствие кровопотери свыше тридцати процентов крови. Во многих случаях смерть наступает от болевого шока, связанного с возникающей травмой. В результате значительной потери крови, происходит централизация кровообращения (снабжаются только основные органы: мозг, сердце, лёгкие, печень, почки), при которой второстепенные органы оказываются «на голодном пайке». На этой стадии можно каким-то чудом остановить утечку, но из-за начавшихся необратимых изменений клеток организма, любые мероприятия в конечном итоге приведут к смерти. Просто чуть позднее.

Для предотвращения последствий, связанных с отсутствием свёртываемости существуют и успешно применяются

на протяжении последних лет способы искусственного насыщения крови необходимыми факторами. Это персональная работа с каждым пациентом, требующая специальной подготовки. Представляется, что ключ к победе над эпидемией в изготовлении универсальной вакцины, благодаря которой крови можно будет искусственно вернуть её свойства. По самым скромным оценкам – это масштабная работа не одного месяца. Пока же, борясь с болезнью, наряду с насыщением организма витаминами, необходимо осуществлять переливание крови для продления жизни. Вопросы совместимости крови донора и реципиента отходят на второй план в силу того, что право выбора не велико. Из истории средних веков известно, что, чтобы выиграть минуты жизни люди переливали себе даже кровь животных (!).

Важнейший вопрос возникает в связи с отсутствием у населения и лечебных учреждений достаточных медикаментозных средств. Элементарные стерильные бинты, вата, обезболивающие средства – всё это становится большой редкостью. Существуют и запасы, но, учитывая огромную потребность в средствах лечения, представляется важным запустить процесс конверсии производственных мощностей для налаживания их дополнительного выпуска. Тем временем, прогнозы вообще продолжения нормальной работы промышленности, увы, неутешительные. Пора уже серьёзно задуматься о дальнейшей судьбе страны и поддержании условий существования в ней.

Перечисленное – лишь основное из ряда вопросов, которые обсуждались постоянно. Но, по крайней мере, главное было известно. Теперь понятно с чем мы имеем дело. Неясно почему, но всё же... Чертовски верным мне показалось упомянутое кем-то определение процесса. Оно отдавало каким-то мифическим привкусом, но, я чувствовал, было очень правильным: **ВСПОМИНАНИЕ ЖИВЫМ ОРГАНИЗМОМ**. Насколько это определение было многозначительным, настолько же и абстрактным. Память. Наследие. Мечь. Оплата по долгам. Любая тема годилась к разбору. Жаль нельзя фантазировать отвлечённо.

Данная реальность (без права выбора): все мы уже охвачены болезнью крови; все люди, у кого начался процесс «вспоминания», в нынешних условиях были обречены на смерть; путь до разгадки человечеством тайны страшного феномена и поиска способов лечения болезни долог. И резюме: сегодня мы все рискуем подохнуть от случайной царапины!

Радовало лишь то, что я, как и мой друг, молоды. Структурированы в группу «генетически готовых» к переменам. Полярны пожилым и «не готовым».

Телевизор вскоре надоел. Я снова уткнулся лицом в подушку. Потянуло к фантазиям на тему: как бы этак прожить оставшиеся дни. Представилось собственное тело, распластанное под палящим солнцем на палубе яхты. Шум океана, солёные брызги, чайки. Девушка в бикини.

Образ девушки отразился определенно лишь одним человеком. Ею. Прежней голубоглазую любовью. Именно любовью, а не влечением. То было всерьёз. И тогда так казалось, а теперь и тем более. Хватит ли мне смелости набрать её номер?... Повод существенный.

К черту гордость! Хватило. На часах было больше полуночи. Плевать. В данных обстоятельствах это не имело большого значения. Я набрал номер, и после третьего гудка услышал сонный голос:

– Да. Слушаю.

– Ольга, привет. Это Андрей.

– Андрей?! – она подавила зевок. – Ты откуда? Ой, прости..., – Что-то там громыхнуло по полу у нее.

– Я в Москве. У Стафа. Астафьева. Ты знаешь его. Оля, как ты? Алло, – в трубке молчание, – слушаешь? Ты в моих мыслях, Оля. Время не лечит. Прости, что говорю тебе об этом. Но твоя магия выше. Ты не уходишь из моей памяти. И я боюсь никогда не уйдешь... Такое происходит. Ты ведь знаешь. Не можешь не знать. Мы скоро все умрём, Оленька. Похоже, самое время просто жить. Оставить всякие глупости и домыслы. И если сохранились чувства – дать им свободу. У меня они есть. Они остались. Оля? Почему ты молчишь? Я говорю лишн...

– Извини, – в трубке стукнуло, и раздался её голос, – упала кружка, а в ней чай оставался. Убрала. Ты что-то говорил?

– Я... ничего особенного. Ничего. Как ты?

– Я в порядке. Спасибо.

– Как мама? – вопрос был задан только из вежливости. И тяжело вышел. Подумал даже, как бы она не уловила это. Ведь я мог без внутреннего упрёка признаться самому себе, что не испытал бы никакого сожаления, узнав о кончине Ольгиной матери! Эта сумасбродная женщина с дурной памятью, сделавшая ставку в жизни на свою красивую дочь, не вызывала в моём сердце никаких чувств, кроме отвращения. От неё когда-то еле унёс ноги муж, и с тех пор её рабой и средством в борьбе за место под солнцем стала Ольга.

– Ничего. Мы испугались, когда с ней началось... это. Но она справляется. Я верю, что она победит.

«Правильно. Говно не тонет, – подумал про себя».

– Это хорошо... Оля, мне тоскливо и одиноко. Наконец-то, хоть решил позвонить. Когда уже и деваться, по сути, некуда. Ведь кроме тебя и друга Астафьева у меня никого не осталось. Послушай, мне кажется,... я уверен, мы должны встретиться. Можно тебя увидеть?

– Андрей, я не знаю. Неожиданно так всё... Увидится, конечно, проблем нет. Я не против. Давай так, если мама завтра никуда не уйдет, я сама тебе позвоню.

– Как скажешь. Я буду ждать звонка. Очень сильно. Я сейчас не дома. У Сашки. Запиши номер, – я продиктовал номер и пожелал ей доброй ночи.

Упав на диван, я вновь начал грезить. Фантазии о любви в ночь смертей. Направленные лунным светом тени выстро-

или на ковре город нашей мечты. Незаметно для себя я погрузился в сон.

4.

Сон: встреча.

Мне приснился очень странный сон.

Помню, что я бежал из сошедшего с ума города. Я уносил ноги от безумного хохота, гремящего за моей спиной. Беспорядочно бегавших по улицам людей. Передо мной исчезли проспекты и многоэтажные дома. Я нёсся в необычной коляске без мотора по просёлочной дороге. Остановился у начала тропинки, исчезающей далее в высокой траве. Направился по ней. Зашёл в лес. Шёл через широкие поляны, потом опять редкий лес. На встречу иногда попадались дружелюбно настроенные люди в пляжном одеянии. Они смеялись и подмигивали мне. Проходя мимо, они красовались передо мной своими здоровыми обнажёнными телами. Мужчины выпячивали грудь, задирая подбородок. Женщины покачивали бедрами и жеманно склоняли головы. Я искренне восхищался ими, улыбаясь в ответ.

Шаг за шагом растительность вокруг стала меняться. Среди средневропейского смешанного леса появились кипарисы и ореховые кустарники, стали встречаться виноградники среди берёзовых рощ. Сосны становились всё меньше и меньше, превращаясь в толстоствольные причудливо изо-

гнутые кусты. Я боялся дотронуться до чего бы то ни было.

Маленькая тропинка превратилась в дорогу из ярко-жёлтого песка, которая вывела меня на берег большой реки. Стало невыносимо жарко и, решив окунуться, я скинул одежду и медленно спустился с небольшого обрыва к кромке воды. Бурлящая вода в реке была отвратительного грязно-зелёного цвета. Я аккуратно опустил в неё ногу и, почувствовав опору, пошёл прямо по мутной глади. По мере удаления от берега, я осознавал, что река становилась всё глубже, но при этом мои ноги чудесным образом не погружались в воду выше щиколотки. Увязая, я шёл по поверхности воды, а противоположный берег не приближался, а, напротив, удалялся от меня с каждым шагом. Я оглянулся назад и еле различил очертания суши, с которой спустился в воду.

Не зная, что мне делать дальше, я прибавил шаг в попытке догнать, убегающий от меня берег, но ноги ещё пуще стали увязать в воде, и мне приходилось тратить всё больше сил на то, чтобы сделать шаг. В какой-то момент, почувствовав безнадёжность своего положения, я встал. Тут же сзади что-то легло на мои плечи. От неожиданности я вздрогнул.

– Слева. Я слева, – раздался голос не то, чтобы за моей спиной, а у меня внутри, приятно резонируя в животе.

Я повернулся налево и увидел огромного уroda с крокодилей мордой, стоявшего на двух ногах и положившего растущий из спины хвост на мои плечи. Руками он имитировал походку, медленно переставляя их в воздухе.

Я не испугался. Вернее его появление и отвратительный вид показались мне вполне обычным в данной ситуации.

– Что мне делать? – я произнес это, не открывая рта.

– Ты так красив.... Вы все очень красивы. Ты просто думай о том, что на том берегу, – он невероятным образом вытянул вперёд руку, и в воздухе словно ухватил крошечное, еле заметное дерево с противоположного берега.

– Я доберусь до него? – мне не нужно было открывать рот, чтобы общаться с монстром на его языке.

– Все доберутся до него и ты тоже.

– Как там?

– Там все по-другому, – тут урод отпрыгнул от меня на расстояние недосягаемости. Опустился на передние лапы и, широко раскрыв пасть, громогласно завопил...

5.

День в городе. Военные.

Я проснулся от того, что кричал как резанный, сидя на диване и вытянув вперёд руку. С вытаращенными глазами в дверь вскочил в одних трусах Сашка.

– Филин, ты чего?! – он схватил меня за голову.

– Сон..., – я попытался отдышаться и смахнул пот со лба. – Это сон. Я в порядке. – Убрав руки друга, я встал на подкашивающихся ногах.

Прошёлся по комнате. С каждым шагом ко мне возвраща-

лась уверенность.

– Что за сон, то? – Сашка испуганно смотрел на меня.

– Да откуда мне знать?! Просто долбаный сон. Хватит об этом, – я сел на диван и, обретя контроль над собой, оглядел собственное тело. Крови не было.

– Сколько времени? – я спросил друга, и сам повернулся в сторону настенных часов.

– Полдесятого.

– Сашка, мы живы, – я обнял друга. – Это, чёрт побери, самое главное!

Окончательно раскачавшись после сна, я помог Саше немного прибраться в квартире. Больно было смотреть на то, как со стоявшими в глазах слезами, мой друг прятал подальше из виду родительские вещи и фотографии. Он уже осознал и смирился с тем, что этих людей больше не будет рядом. Никогда. Я, чем мог, старался подбодрить его. Но он справлялся неплохо и сам.

С прощанием было покончено. Пускай пыльная антресоль вместила в себя не все атрибуты прошлой жизни, но всё же душевная боль друга вскоре притупится за неимением их. Я вновь вспоминал себя. Чего хотелось в те минуты, часы и дни мне. Затем мысленно переносил собственные ощущения на Сашу. Оказалось, даже такой опыт мог быть полезен.

Настал новый день, а с ним и новые заботы. Взамен опостылевшей учебе в ВУЗе нате вам бессрочные каникулы. Гуляй – не хочу.

На поверку же оказывалось, что гулять особо некогда. Дамоклов меч неизбежности должен был предопределять каждый наш шаг, каждый поступок.

Во время завтрака раздался телефонный звонок. Мой друг пошёл к аппарату.

Он вернулся через минуту: – Дочь дяди Жени звонила. Сказала, что он не придет. У него тоже началось,... – Саша вздохнул. – Сейчас все мои перемерут. Что же это за срань господня?! – Он врезал кулаком по столу. С края брякнулась о пол фарфоровая статуэтка японки с веером. Ее отколовшаяся голова подкатилась к моей ступне.

– Я вчера думал о происходящем, Стаф. И знаешь, что самое поганое? От этого нельзя убежать. Мы можем только свикнуться с потерями. Это адски тяжело, но ради самих же себя мы должны сберечь силы. – Я поведал Сашке об услышанном по телевизору. Против фактов не поспоришь – мы все уже изменились без всякого на то желания. Оставалось только принять всё как есть и надеяться на благополучный исход.

– Ты думаешь, жизни на земле конец?

– Вряд ли. Это было бы вопиющим беззаконием по отношению к эволюции. Наверняка скоро ситуация стабилизируется, останутся... те, кто останутся. И начнем всё заново. Мы с тобой ещё не успели дописать историю наших жизней, и я не хочу сдаваться раньше времени. Надеюсь, мы сможем сами что-то изменить в своём отношении к произошедшему,

и прожить так, чёрт возьми, чтобы не было больно за упущенное время. Пока оно ещё у нас есть, – я потрепал друга по голове. – Надежда умирает последней. Не будем хоронить себя раньше времени. Используем то, что есть. Мы не остаемся одни, понимаешь!

– Наверно да. Не понимаю только, что мы-то можем сделать?

– Что можем? – я встал и заставил его подняться. – Выйти на улицу проветрить мозги и найти холодного пивка. У меня похмелье – пара свежего солода не помешает.

Прежде чем покинуть квартиру, мы обмолвились о маршруте. Решено было навестить аптеки и запастись продуктами. Когда Сашка запирает дверь, я вдруг опомнился:

– А у тебя есть автоответчик?

– Нет, – Саша замер с ключом в руке. – Точно. Могут близкие звонить.

– И это тоже. Слушай, я вчера с Ольгой разговаривал.

– С прежней что ли?

– С ней. Мы договорились встретиться, если её мамаша ничего ни учудит.

– Эта старая жопа ещё жива? Вот ведь! Другим за облака, а эта ещё нас переживет.

– Не то слово! Так вот, Ольга будет звонить тебе, а нас может не быть, понимаешь? Нам надо где-то достать автоответчик.

– Да, если только в магазине, но у нас на пару денег почти

ничего.

– Ты думаешь, деньги еще чего-то значат? – я вызвал лифт, и тот отозвался металлическим скрежетом тросов.

– Деньги всегда что-то значат, Филин. Уж поверь мне на слово!

На улице солнце светило, трава зеленела, и разносились трели птиц. «У них тоже есть избранные?!» – подумал я, припоминая вчерашние сводки.

Сашка жил неподалеку от центра города, поэтому мы пешком двинулись к некогда самым оживлённым улицам. По пути мы встречали людей, в основном таких же молодых, как и сами. Невольно, я отметил, что вчера их было больше на улице. И, показалось, что значительно больше. А ведь это центр города.

Лица некоторых из тех, кто встречался нам по дороге, были украшены пластырями, и не составляло труда заметить, что под одеждой их тела стянуты повязками.

Я отметил, что исчез знакомый с детства монотонный гул автомагистралей. Стихли громкие голоса. Смесь привычных с малых лет звуков сменилась почти полной тишиной. В сравнении с прошлым – безжизненный город. И это, принимая во внимание его размер, не так далеко от истины. Саша соглашался с моими наблюдениями. Он ведь вчера вовсе не выходил. Поэтому контраст был очевиден.

Обратили мы внимание и на то, что беспорядка на улицах не было. Ни брошенных поперёк дороги машин, ни разбитых

витрин. Даже урны стояли полупустыми на своих местах. В остальном наблюдались лишь следы привычного бескультурья в виде окурков и рваных упаковок под ногами. Это уже не мусор в Москве. Это её шерсть.

На каждой значимой дорожной развязке стояли военные патрули. То и дело мы встречали наряды милиции с автоматами наперевес. Некоторые из призванных под ружье были в наглухо застёгнутой форме, и только лица в кровоподтёках выдавали начавшийся у них процесс «вспоминания». Мне искренне было жаль вояк. Несчастных не отпустили по домам даже в таких обстоятельствах. А может, именно в это время в них и была необходимость? Но мои ли интересы они охраняют на улице?

По каменным лицам командиров не было заметно благожелательности к прохожим. Они на службе. Будут мочиться кровью, но выполнять приказ. Эти парни не внушали доверия. Как и те, кто рассовывали по грузовикам трупы.

Солдат мы встретили и у крупного универмага. Впятером они монтировали металлический щит на место витрины и укрепляли двери.

– Клонировают их, что ли? Мы с тобой гражданских встретили меньше, чем этих. – Сашка кивнул в сторону патруля.

– Они держат ситуацию под контролем, – я ухмыльнулся. – Думаю, у них есть чёткая задача, но это военная тайна.

Мы уже почти прошли мимо очередного патруля, когда мой друг выкинул столь привычный для него фортель.

– Да чего думать то? У них и спросим, – не успел я остановить его, как он спрыгнул с тротуара на дорогу и пошёл на другую сторону.

– Эй, мужики! – приближаясь, мой друг начал кричать четырёх военным, стоящим у фонарного столба.

Тут же, сказав что-то остальным, от патруля отделился и зашагал навстречу Сашке усатый лейтенант. Я бросился вдогонку за другом, почуяв неладное.

– У меня вопрос, – Саша вальяжно подплыл к лейтенанту.

– Оставайтесь на месте, – военный вытянул вперёд руку красноречивым жестом.

– О'кей. На месте так на месте, – Сашка остановился посреди дороги. Я подскочил сзади и встал рядом.

– Я вроде как живу по конституции и потому имею полное право на информацию... Мне говорят о том, чтобы я был спокоен и не волновался за судьбу страны. Но вот в чем загвоздка: мои глаза подсказывают совершенно иное! Успокоиться, наблюдая за окружающим, как-то не получается. Меня удивляет такое количество солдат на улицах города. В чем здесь причина, хотелось бы знать? И правда ли, что ситуация держится под контролем?

– Всё верно. Ситуация под полным контролем и всё, что от вас требуется – это вести себя в рамках установившегося порядка, – показалось, что лейтенанта не смутило бы даже если бы Сашка между делом продемонстрировал ему свой голый зад. Без эмоций он чеканил слова, стоя навытяжку.

– Тогда ответьте мне вот на какой вопрос: почему по улицам разъезжают военные машины и собирают мертвецов по всему городу?

– А меня волнует: для чего вы забираете неизвестно куда больных и не даёте им самим решать, что делать – сдохнуть или лечиться? – я тоже подключился к атаке.

Лейтенант не отвел взгляда: – Я не отвечаю на такие вопросы. Всё о происходящем вы можете получить из средств массовой информации. Мы не уполномочены комментировать сложившуюся ситуацию, – он невозмутимо посмотрел на моего друга. – Теперь можете идти своей дорогой. Честь имею, – военный кивнул и развернулся.

– Секундочку... У меня ещё один вопрос, уважаемый, – Сашка подскочил и хлопнул по спине офицера. – Могу я потрепать за жизнь вон с теми парнями? – Он кивнул в сторону, стоявших рядом со столбом, трёх молодых солдат из патруля.

– Нет! – лейтенант повернулся с перекошенным лицом. – Валите отсюда пока...

Тут как нарочно из-за угла выскочил зелёный грузовик и, сигналив, понёсся прямо на нас, стоявших посреди дороги. Я инстинктивно отскочил назад, но Сашка... Он, пользуясь замешательством военного, рванул вперёд и побежал к патрулю.

На мгновение пока, проносящийся мимо грузовик, закрыл обзор, я потерял из виду друга. Когда же машина про-

ехала, я увидел, что лейтенант галопом помчался вдогонку за Сашей.

– Стоять! Стреляю, – командир выхватил из кобуры пистолет и наставил его на Сашину спину.

– Сашка, стой! – я завопил на всю улицу.

Мой друг, не добежав пары метров до ребят в военной форме, затормозил и, споткнувшись, упал. Затем медленно поднялся, держа руки над головой. Я помчался к нему, обогнав медленно шагающего лейтенанта, и повис на его плечах.

– Мы уходим. Уходим, – пытаюсь успокоить взбешенного командира, я закивал ему в лицо и стал подталкивать перепуганного Сашку к другой стороне улицы.

И хоть взгляд мой приковал к себе пистолет, я обратил внимание на лица молодых солдат, молча рассматривающих нас. В их лицах не было осуждения и тем более агрессии. Подумалось, что, в сущности, они просто заложники обстоятельств. Заложники под страхом дула пистолета таких же остолопов, как этот лейтенант. Он же, не спуская с нас оружия, вернулся за оброненной на асфальт фуражкой, и, тщательно отряхнув, напялил её себе на уши.

Не спеша, мы перешли улицу. Саша тащился на ватных ногах, время от времени опираясь на мою руку. Пока угол ближайшего дома не скрыл нас от патруля, я все время оглядывался назад. Усатый Рэмбо спрятал пистолет в кобуру и, подбоченившись, провожал нас отравленным ненавистью взглядом.

У первого же сквера Саша рухнул на лавочку.

– Ты видел? – он изумлялся. – Этот наставил на меня свой пистолет. Он почти выстрелил, мать его! Просто потому, что я хотел поговорить с парнями. В чем дело, Филин? Ты что-нибудь понимаешь?

– Нечего здесь понимать. У них есть полномочия. Это представители силы, которая им делегирована свыше. Ответы не у этих. На улицах подчиненные. Помимо всей этой кутермы с эпидемией, что-то делается не так, как надо. Контроль над ситуацией какой-то нелепый... Ты главное сам не горячись раньше времени, понял! Лезешь на рожон, идиот. Сейчас тебя, а потом и меня за компанию прибили бы на месте, вот и погуляли! Попили пивка... Давай без самодеятельности. Пока хотя бы. Вместе сперва разберёмся, что к чему, а потом уже делай что хочешь.

Переведя дух и достигнув первого открытого магазина, мы взяли по паре пива и поблизости присели на скамейку у автобусной остановки. Первую бутылку я выдул почти залпом.

– Плохо все. Чего они вдруг испугались? Отгородиться решили? Пистолетом в лицо тыкать будут?! Думаю, вообще при таком раскладе можно рассчитывать только на себя.

– Как всегда, Саш. А ты чего хотел?

– Чего угодно, только не такого вот, Филин! Никакого единения людей перед лицом общей трагедии не будет. Понял? И я не верю, что кто-то хоть пальцем о палец ударит ради

защиты таких как мы с тобой. Всё осталось как прежде, – Сашка в отчаянье сплюнул себе под ноги.

– Да, как прежде. Пока так, а потом посмотрим. К чему спешить с выводами? У тебя эмоции бьют через край, ... понимаю. Но чего суесться? Всегда так было. Скорее всего, власть имущие воспользовались собственно этой властью и отгородились от нас. Военных на улицу выгнали. А раз те пошли, значит им чего-нибудь обещано. Все ок. Государственный бизнес процесс. Ну, а ты то чего с этим сделаешь? Куда вот ты попёр на вооруженных солдат? Герой в штанах с горой. Остынь. Надо осмотреться. Мы с тобой в столице, понимаешь?... И если уже с самого начала так всё пошло, это не значит, что везде дело дрянь. Уедем из Москвы подальше, там все иначе. Все свои. Любой мент чей-то сосед. Да их все в лицо знают! Они же тоже люди, тем более, молодые все ребята то. Там можно будет разговаривать. А здесь дыши глубоко, Стаф, и не дергайся.

– Ты же знаешь, меня раздражает это погоняло – Стаф! – Саша зыркнул грозно, но наткнулся лишь на мою улыбку и морщины на его лбу разгладились. – Тоже придумали ерунду какую-то. Как собака.

Я посвистел и похлопал по колену, будто подманиваю четвероногого. Друг поддал подзатыльник мне по загривку и посмеялся.

– Власть... А может ты и прав? – Саша склонил голову и сосредоточенно изучал бутылочное горлышко. – Просто

привычная реакция на чрезвычайную ситуацию. Ну, сколько это ещё продлится? День, два... Генералы то, небось, все уже червей кормят. Погоны с большими звёздами раньше полтинника вроде не вешают? Значит кандидаты... Стоп! А кто скажет о том, кто сейчас у руля? Президента ты вчера по телику не видел. Может, его уже и нет в живых? Другие наверняка лыжи наострили уже в теплые края доживать отпущенное. Похоже на то, а? Что ты молчишь? Зачем власти в таких условиях холодная страна с народом на улицах? Вот увидишь, Филин! Исчезнут все эти кордоны, и очень даже скоро. А народ сам разберётся что делать. Вот хоть и мы с тобой могли бы сами решать куда идти, что брать, а что нет. Вся власть народу, понимаешь?!

Я удивленно посмотрел на Сашку: – Вот ты даешь, пролетарий.

Мы рассмеялись.

– Ладно. Шутки шутками, Сашок, а если серьезно, то, думаю, уже должны быть какие-нибудь сборища взаимной поддержки, что ли. В одиночку в такое время никак не протянуть. Случись, что с тобой, так и истечёшь кровью в своей квартире. Страшно же.

– У меня есть ты, – Сашка с надеждой посмотрел на меня.

– Правильно. У тебя есть я, у меня есть ты. Нам, как бы, повезло. А у кого нет? Да и вдвоём не очень-то надежно. Давай по знакомым пройдем. И совесть не замучит потом, и себе поможем. А если объединимся... Сечешь? Может, во-

обще поселиться где-нибудь вместе? Жить коммуной. Как тебе? Ведь, по сути, что с тобой можно сделать, когда за спиной целая орава?! За теми друзья друзей потянутся. А это, брат, сила. Социум!

Во время протянувшейся паузы я сам задумался над сказанным. Это правильная мысль. Я был в этом уверен. Мы остались с Сашкой вдвоём. Нет больше общества, окружавшего нас ежедневно. Пожалуй, что нет и не будет уже свиданий на последнем ряду в кинотеатре, нет шумных сборищ в кабаках, не осталось ничего такого из прошлого. Вот так, в опустевшем городе, на пару, мы не протянем. И действовать нужно быстрее, пока ещё люди остались в своих домах, и их можно было бы найти.

– Я хочу встретиться с Ольгой, потому что она второй близкий человек после тебя. А ты никому не звонил из своих знакомых?

– Да когда, Андрей?! Ты о чем? – Саша открыл вторую бутылку пива и присосался к горлышку. – Позвоню, когда придём. Считаешь нужным – позвоню.

– Слушай, было бы неплохо, если б все-таки удалось где-нибудь раздобыть автоответчик, – я вернулся к утреннему разговору. – Только реально ли это? Ты заметил, что все магазины кроме продовольственных закрыты? Мы с тобой аптек пять прошли, везде глухо. Всё законопачено с пломбами, да вояки кругом. Даже не понятно кому в голову пришло всё это закрывать? Хозяевам что ли? Для чего только беречь это

барахло?... Денег уже не выручить. Да и на кой они? Деньги... Эх, надо было ещё вчера порасторопней быть. Глядишь, чего-нибудь бы да урвал?! – Я посмотрел на друга: – Так что будем делать?

– Снимать трусы и бегать... – Сашка обернулся ко мне, и появившаяся улыбка сползла с его лица. – На Кузнецком есть большой магазин. Если и он закрыт, тогда только с чёрного хода. Ну, ты понимаешь.

– Конечно, понимаю! Мы бы и сейчас могли.

– Только давай без беспредела, Филин. Жить надоело? Сам мне втирает, что, мол, осмотреться надо сперва и всё такое. И тут же на скачок намылился. Видишь же сам, что кругом патрули. Думаешь, они просто так здесь ошиваются? Не успеешь и пукнуть, как слышишь пулю в башку. Здесь только в ночь идти... Или, вот! Можно было бы по пустым квартирам пошарить, – мой друг мгновенно завёлся от новой идеи. – А что? Ведь, если в доме все умерли, чего добру зря пропадать? Это хорошая идея, Филин... Поверь, это лучший выход, пока во всяком случае.

– Да нет. Это не вариант, – я покачал головой. – Откуда ты узнаешь, что там, куда лезешь, уже все умерли? А если и так, то у них могли родственники, друзья остаться. Придут за имуществом, которое им нужно не меньше, чем нам, а там пусто. Тогда надо, по крайней мере, знать о квартире. С замком проковыряешься, а попадешь в клоповник с мышью в холодильнике. Это не вариант. Может быть, позже...

не знаю.

Наступило молчание.

– Ну и где мы тогда возьмем этот долбаный автоответчик?... А где достанем одежду? – Саша не выдержал, – Скоро дожди и холода. Я собирался себе ботинки тёплые купить. У меня нет их. Отцовские малы. У него нога меньше. Что делать то? Пока ты будешь зад тут мять, другие, кто посообразительней пропылесосят всё кругом и вопрос закрыт. Что за дебилизм действительно, закрыть магазины? Кому хоть в голову это пришло? Не понимаю, – Сашка рассердился, в том числе и на меня из-за моих колебаний.

– Саш, не кипятись. Товаров было произведено достаточно, а людей уменьшилось. Мне кажется, всем хватит в итоге всего. Впрочем, без гарантий конечно... Давай-ка, пойдём на Кузнецкий. Посмотрим, может всё не так уж плохо.

Допив пиво, цедя его приятную горечь сквозь зубы, мы побрели дальше. Как раз, когда тронулись с остановки, на дорогу вышел очередной патруль. Двое ребят, похоже, срочников. Где-то сверху из окна дома, у которого мы расположились, прилетел на асфальт дымящийся окурок. Я посмотрел вверх. Все закрыто. А ведь мы громко говорили. Да и чёрт с ними!

Дойдя до бульварного кольца, мы всё чаще встречали людей на улице. Всё также они изучали друг друга. Без контакта. Даже не желая его. Мне показалось, стало больше пьяных. Но без потасовок.

– Ты только посмотри, – мой друг ткнул пальцем в сторону скопления людей на месте бывшего памятника Дзержинскому. – Первый раз такую толпу встречаем.

Посреди площади собралось не менее двух сотен людей. Из центра толпы разносились громкие крики. Мы подошли ближе. По периметру, в качестве оцепления, стояли вооружённые солдаты и милиционеры на лошадях. Гнедая под грузным сержантом предупредительно фыркнула на нас.

Протолкнувшись сквозь первые ряды людей, я увидел импровизированную трибуну, на которой стояли шесть человек. Образовав полукруг, они возвышались над толпой и взирали вниз. В центре подиума размахивал рукой оратор. Это был мужчина лет сорока, одетый в просторную куртку и широкие чёрные брюки. На его голове скосбочилась кепка с опущенными ушами, а под подбородком, закрывая большую часть лица, была перетянута плотная материя телесного цвета. Мужчина орал, прижав к тряпке, прикрывавшей рот, мегафон. Сквозь искажавший голос ужасный треск доносилось:

– ... верю, что мы все спасемся. Но спасение не даётся легкой ценой, уж можете поверить. Мы все сегодня должны покаяться, пока не поздно. Покаяться в призрачности наших прежних побуждений. В греховности страстей. В грехах, которые вы только помышляли сотворить. Ибо грехи наши рассердили Господа Бога... И что в результате? Я отвечу. Он дарует нам мучительную смерть в избавление, а мы в ответ

лишь должны принять её с благодарностью. Дарует, поймите! Ибо это дар, а не наказание. Великое испытание... Только покаявшийся и признавшийся в своих грехах сможет уцелеть и здесь, на греховной земле. Его так помилует Господь в назидание страшным грешникам...

– Патриарх русский умер! Почему Отец небесный не защитил его? – стоявший неподалеку от нас, длинноволосый парень с бледным лицом выкрикнул в сторону трибуны. Сконфузившись, он обернулся к толпе: – Я слышал сегодня по телевизору, он мёртв. Клянусь! Истёк кровью, как и все остальные.

Толпа загудела. Прерванный оратор, сверкнув глазами, уставился в нашу сторону в попытке разглядеть наглеца.

– Неве-е-ежа! – мегафон загудел, резонируя с воплем. – Кто дал тебе право рассуждать? Патриарх с нами. Он рядом с тобой сейчас. Мучается за тебя же... Со слезами на глазах наблюдая, как ты постыдно торгуешься с дьяволом за свою жалкую душонку! Чего ты добиваешься? Хочешь знать правду? – Он протяжно взвыл, взмахнув свободной рукой. – Господь Бог призвал его себе в помощь к воротам великого суда. Мы были и останемся лишь безмолвными свидетелями ЕГО воли. Если ОН решит, то завтра уйду и я. И ты!... Такие, как ты, в первую очередь! Но воля его такова, что на моё место придёт другой, чтобы нести правду всем грешникам. Наставить их на правильный путь, ибо он единственный, чтобы сохранить душу. Мы все вынудили Бога преподать последний

урок человечеству. И я, и ещё многие после меня должны открыть вам глаза на это. Я горжусь своей миссией, ибо...

– Что делать-то? – кто-то вновь прервал речь оратора.

– Что делать?... Идите в храм! Молите Господа, чтобы он отпустил вам грехи ваши и простил вас. Простил, как прощал много раз до этого. Теперь нужно сделать гораздо большее, чтобы вам отпустили грехи. Пройти обряд очищения! Обряд свершения добра по отношению к ближнему. Вы должны принять на себя ответственность за грехи умерших и возлюбить живущего собрата. Искупить вину человечества. Оставайтесь с Господом, не ищите мирских благ более. Настал день суда страшного, так встретим его с чистым сердцем и помолимся все вместе. – В пылу экстаза оратор сорвал с головы кепку, и по лбу протянулись нитки красных дорожек. Передав соседу мегафон, он воздел руки к небу и затянул неизвестную молитву. Им же, похоже, и сотворенную накануне.

– Пойдем отсюда, мне тошно, – Сашка потащил меня за рукав прочь из толпы. – Начался карнавал.

Мы удалялись от площади, а вдогонку еще долго раздавалось: «...Господи, прости нам прегрешения наши! Не лишай нас своей любви. Слава тебе! Аллилуйя...».

Пройдя мимо обветшавших особняков Кузнецкого моста, мы свернули на Неглинную и с нее добрались до закрытых дверей одного из крупнейших в городе магазинов бытовой техники. Зелёная вывеска над входом гласила: «МЫ РЕША-

ЕМ ПРОБЛЕМЫ». И ещё один козырный ход на бумажке, прикрепленной к стеклу: «Работаем без выходных. Принимаем в оплату валюту». Встав у порога, мы молча взирали на висячий замок.

Внезапно мне пришло в голову: – Саш, скажи ты крещённый?

– Да. А что?

– Да так, ничего. Просто захотелось узнать. – Я сел на ступеньки у входа. – Когда крестили, дитём был малым?

– Точно. В детстве. – Сашка смотрел на меня сверху вниз. – А сам-то крещённый?

– Я?... Нет. Хотя мама хотела. Все какого-то случая ждала, да вот не успела. Жалею ли об этом сейчас?... Не знаю. Рассуждаю только сам с собой, что смысла нет, в обряде этом участвовать, если не понимаешь, что происходит на самом деле. Лишь бы приобщиться к этому, как и все? Не хочу. Что движет верующими? Добродетель или страх перед Дантовыми кругами ада? Если уверовать в них, то конечно грешить перестанешь. Только грехом считаю не всё то, за что души кнут Миноса у того же Данте принимают. Мораль общества давно как обновилась, а заветы прежние. Не справедливо. Не считаешь? Уж как-то обреченно изначально судьба человека выглядит. И за все кара, кара, кара... Впрочем, сознаю, что может всё так и есть. Ведь в судьбу верю. В отсутствие случая верю. В проявления чудес верю. Значит, и в Господа верю?

– Что-то ты упростил, Филин. Хотя я и сам тоже... Крест

вот ношу, а верить не знаю во что. – Саша бережно вынул из-под рубашки золотой крестик на цепочке и повертел его в руках. – Слушай, Андрюх. А нет такого ощущения после встречи с этими товарищами на площади, что скоро мы все очень даже будем подкованы в этом вопросе. Мне кажется, горлопаны сейчас повывезают из всех щелей. Ведь тема то реальная. Подумать только: наказание Богом человечества за его грехи. Может так оно и есть? И вот ведь, не скажешь, что аудитория таких сборищ протестная. Напротив даже. Весьма контролируемая. Примирись с утратой и кайся. Чего тебе ещё?

– Все может быть. Я уже ничему не удивляюсь.

Еще с полчаса мы проторчали у закрытых дверей, раздумывая о том, что делать дальше. В голову не приходило ничего путного. Улицу перебежала собака, облаяв гонимую ветром обертку из-под шоколада. Скрипела водосточная труба.

Рядом, то и дело, проходили люди. Кто что-то тащит, кто налегке, чуть ли не праздно. Это будний день. Мы догадывались, что раз есть электричество, ходит транспорт, торгуют продуктами – люди заняты на работе. И всё же их так мало на улице. Сколько же нас всего?

Я посмотрел на часы – 16:39.

– Сашка, нечего здесь сидеть. Скоро вечер. Стемнеет, а мне ещё домой надо успеть. Сделаем так: ты идешь сейчас к себе и по дороге заскочишь в магазин за жратвой, – я вытащил из кармана бумажник и, оставив себе мелочь на проезд,

отдал все деньги ему. – Я сажусь в метро и еду домой. Соберу там все свои пожитки и прочее, а потом к тебе. Идёт?

– Давай. А чего купить-то? – он стоял с опущенной рукой, сжимавшей купюры. Я в очередной раз улыбнулся над ним. Мой смешной друг. И самый преданный из всех с кем мне доводилось сталкиваться по жизни. Как собака, ей богу.

– Да чего хочешь! И выпить чего-нибудь посмотри. Всё. До встречи.

Развернувшись, я пошел в сторону ближайшей станции метро. Пройдя несколько метров, вдруг опомнился: – Саня! Стой, – я развернулся и заорал в спину удаляющемуся другу.

Он обернулся: – Чего тебе?

– Если вдруг позвонит Ольга, скажи – я дома, пусть звонит мне. Если не получится, пусть приезжает к тебе. Понял? – мой крик отражался глухим эхом от стен старых зданий, и виднеющаяся вдалеке парочка обернулась.

– Хорошо. Я понял, – Саша махнул мне рукой и потопал дальше. Я провожал его взглядом. Думая о нас. О продолжавшейся жизни.

6.

Дневник: 02. Скворцов.

К моему облегчению метрополитен продолжал работать. Я уже понимал, что ещё день, может быть два, и постепенно всё здесь встанет замертво. У города назревали серьёзные

проблемы с обслуживанием собственного сложного и зависимого организма. Он тоже дал течь, получив весомые пробоины. И рано или поздно пойдет ко дну.

Каким-то силовым решением центр заставлял ещё делать обороты привычный маховик быта, но анархия не за горой. Полагаю, каждый уже осознал жизненную необходимость подготовки к самому худшему. А значит, будет конкурентная борьба. Кто не успел – тот, как известно, опоздал.

Я спустился на платформу. Внутри были люди. Не так много, как вчера, но были. Идя по платформе, я время от времени ловил на себе завистливые взгляды сограждан, замотанных по уши шарфами и платками. Они стояли в просторных одеждах, скрывающих повязки на теле. «Кандидаты на вылет» – так я их назвал про себя, в душе бесконечно сочувствуя несчастным. Сегодня они, а завтра ты можешь примерить на себя папино пальто.

Интервалы в движении поездов ещё больше увеличились. Отсчёт времени с предыдущего поезда остановился на двадцати семи минутах перерыва. Стуча стальными ободами по рельсам, подъехал электровоз. Сидячих мест в вагонах полно. Удобно устроившись, я направился к дому.

По улице расхаживали вооружённые патрули. Их было меньше, чем в центре Москвы, но, вместе с тем, не покидало ощущение, что ты как на ладони у них.

По дороге мимо меня прогремоухал грузовик. Из-под колес разлетелась листва.

Листья, опавшие листья... Неожиданно пришла в голову мысль о непривычно большом их количестве, покрывшем серый асфальт мегаполиса. Ну конечно, на дворе стояла осень, но позвольте, ... рановато для листопада. Я огляделся. Это не бросалось сразу в глаза, однако, высаженные вдоль дороги тополя, выглядели как-то по-другому. Какими-то разнородными что ли. Одни, густо покрытые зелёной листвой, словно излучали здоровье, играя ветками под лёгким напором ветра. Другие же поникли, роняя словно слёзы, со склонившихся к земле ветвей, мёртвые листья. И похожая картина была везде. Деревья и кусты. Кто-то засыхал, погибая, кто-то тянулся к солнцу, радуясь новому дню. Неужели в этом страшном диалоге со смертью приняли участие даже растения? Ответ напрашивался сам.

Новое открытие потрясло меня гораздо больше, чем весть о смертности среди животных. Я доплёлся до своей квартиры и ввалился внутрь.

Уже с порога нечто эфирное принялось обхаживать и успокаивать меня. На душе полегчало. Я был дома, в привычной для меня обстановке, где каждая мелочь была связана со мной и безмолвно поддерживала дух. Захотелось прилечь на диван, закрыть глаза и забыться в глубоком сне. В хорошем сне, в котором со мной рядом были бы родители; Сашка и его родители оставались бы вместе и радовались жизни. Где всё было бы как прежде, а сегодняшняя реальность – оставалась лишь телевизионной хроникой фантасти-

ческого романа. Но время это ещё одно обстоятельство, которое имело свойство завершаться. До которого часа работало метро? Я не уточнил, дурья башка. Значит, следовало спешить.

Я залез на шифоньер и достал оттуда две вместительные сумки. Скинул их на пол. В воздух взметнулись облака пыли. Ногами отфутболил сумки в комнату и принялся за дело.

В первую очередь я упаковал одежду. Тёплую. С расчётом на осенние заморозки. Затем рассыпал сверху всё содержимое аптечки и сунул туалетные принадлежности. Надувшаяся пузырем первая сумка была готова. О том, чем наполнить вторую мне пришлось поломать голову.

Сперва я извлек из шкафа несколько книг, которые собирался прочесть на досуге, и положил их. Посмотрев сверху минуту, я вытряхнул все обратно и уложил любимые музыкальные диски и кассеты. Это мне показалось правильным и тогда дело пошло. В сумку друг за другом отправились: медицинская энциклопедия, англо-русский словарь, аудиоплейер с треснувшим корпусом, колода игральных карт, будильник, альбом с фотографиями и пачка презервативов. Пустоты заполнил прочей мелочью, которая могла бы сойти за полезную в будущем. Последним, что я взял, был дневник. Прежде, чем положить его в сумку, я повертел пухлую книжицу в руках. Затем сел с ним к окну и, открыв новый лист, написал:

19 сентября. Всё сильно изменилось вокруг, но я остаюсь самим собою. Я по-прежнему могу вести этот дневник и радоваться тому, что рука моя тверда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.